

ТЕОРИЯ ГРАММАТИКИ

ТЕОРИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ*

А. В. Бондарко (Санкт-Петербург)

Разрабатываемая нами модель функциональной грамматики ориентирована на изучение и описание системы семантических категорий в языковом выражении. Этой цели служат базисные понятия: функционально-семантическое поле (ФСП) и категориальная ситуация (КС).

ФСП (аспектуальность, темпоральность, таксис и др.) трактуется как система равноуровневых средств данного языка, выражающих варианты определенной семантической категории. Исследуется структура поля — моноцентрическая или полицентрическая, выявляются связи между полями, их пересечения.

КС — это типовая содержательная структура, представляющая собой один из аспектов передаваемой высказыванием общей сигнификативной (семантической) ситуации. КС — родовое понятие, по отношению к которому аспектуальные, темпоральные и другие подобные ситуации являются понятиями видовыми.

Описание системы ФСП и КС сопряжено с проблемой языковой категоризации семантического содержания. Эта проблема включает следующие вопросы: а) стратификация семантики — разграничение и соотнесение ее уровней и аспектов, связываемых с понятиями «значение» и «смысл»; смысловая основа и интерпретационный компонент языковых значений; б) семантические инварианты и прототипы; структурные типы грамматических значений; системные признаки грамматических категорий; взаимодействие системы и среды как один из факторов, обуславливающих соотношение инвариантности / вариативности в языке и речи; оппозиции и неоппозитивные различия.

В рассматриваемой модели функциональной грамматики важную роль играют не только системно-языковые, но и речевые (коммуникативные) аспекты. Понятие ФСП соотносится с реальными процессами мыслительно-речевой деятельности. Языковое знание говорящих включает способность выразить тот или иной вариант определенной семантической категории (например, отнесенность ситуации к будущему) различными языковыми средствами. КС реализуются в конкретных высказываниях, т. е. получают «выход в речь». Комплексное рассмотрение языковой системы в

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 00-15-98831 «Петербургская школа функциональной грамматики».

единстве с системой речевых реализаций находит проявление в таком истолковании функций грамматических единиц в их отношении к категориальным значениям, в котором особое внимание уделяется соотношению «функция-потенция» – «функция-реализация». При анализе языкового материала принимается во внимание интенциональность грамматических значений — та или иная степень их связи с намерениями говорящего. Некоторые фрагменты грамматики рассматриваемого типа сближаются с лингвистикой текста. Это находит отражение в таких понятиях, как «персональный (а также модальный, темпоральный) ключ текста», «ключ локализованности / нелокализованности во времени».

Основные типы ФСП анализируются (прежде всего на материале русского языка, частично — других языков) в шеститомном коллективном труде «Теория функциональной грамматики» (1987–1996) и ряде других работ. Можно говорить об определенном этапе развития данного направления исследований (начало разработки рассматриваемой модели относится к концу 60-х годов). Суть этого этапа — опыт построения парадигмы описания и теоретического истолкования комплекса существенных для грамматики семантических категорий, представленных в их языковом выражении как система ФСП и типовых КС.

Один из важных аспектов анализа в дальнейшей перспективе развития теории функциональной грамматики — сопоставительный. ФСП в разных языках, базирующиеся на определенной семантической категории, могут существенно различаться по своей структуре (ср., например, поле определенности / неопределенности в «артиклевых» и «безартиклевых» языках). Необходима детальная разработка системы субкатегоризации в рамках аспектуальных, темпоральных, персональных и других категориальных ситуаций. КС может стать одним из основных понятий в сфере сопоставительного анализа грамматических единиц, классов и категорий. Думается, что перспективы развития рассматриваемого направления функциональной грамматики во многих отношениях сопряжены с интеграцией теории поля с «ситуативным подходом», с теорией категориальных ситуаций.

**ТЕОРИЯ ПОЛЯ В ГРАММАТИКЕ
И «ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ» ЯВЛЕНИЯ
КАК ЕДИНСТВА ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ
(на примере исторического синтаксиса
девербальных номинализаций в немецком языке)**

В. М. Павлов (Санкт-Петербург; Вальдорф, Германия)

Функциональное назначение девербальной номинализации состоит в том, чтобы образу процесса, составляющему категориальное лексико-грамматическое значение глагола, придать категориально-грамматическое

значение имени существительного. Таким способом изначально призначное, несубстанциональное лексическое значение преобразуется в предметное, субстанциональное значение — с соответствующими последствиями для синтаксического функционирования слов, являющихся продуктами номинализации (субстантивации). Различение «предметных» и «призначных» лексических значений образует, по С. Д. Кацнельсону, основу их классификации [Кацнельсон 1972: 136]. С. Д. Кацнельсон возражает против термина «предметность» по отношению к общему грамматическому значению имени существительного, для него значение, например, существительного *мудрость* столь же прилично, как и значение прилагательного *мудрый* [там же: 155]. Однако существеннее этой дискуссионной терминологической стороны дела [Адмони 1975: 45–46] указания на то, что продукт номинализации — это «носитель признаков» [Кацнельсон 1972: 145], «именное слово», первичная функция которого — функция «экспликандума» [там же: 150–151], закономерно выступающего в позициях подлежащего или дополнения [там же: 135].

Формальная и одновременно семантическая соотносительность с глаголами — свойство широкого круга существительных различного морфологического строения, ср., например, Verbot, Schlaf, Arbeit, Streit, Dienst, Ankunft, Lehre, Gebrauch, Gerede, Grübeleien, Schreibung, Atmung, Warten, Assimilation, Reparatur. Разнообразен характер соотносительности значений существительных и соответствующих глаголов: существительные могут обозначать и процессы в их протекании, и отдельные ограниченные временными рамками и завершённые в их пределах акты, а также события, отличающиеся сложной, многоаспектной структурой содержания; некоторые отглагольные существительные осложнены оценочностью; метонимические ассоциации лежат в основе возникновения собственно предметных значений — значений названий продуктов действий, действующих лиц, орудий, мест действия и т. п., ср. Ladung, Bedienung, Sicherung, Wohnung и т. п.

Это разнообразие должно быть упомянуто, но предмет обсуждения составят здесь только существительные, которые (1) максимально свободны от ограничений продуктивности и (2) воспроизводят в субстантивном категориальном ракурсе «чистые» значения действия (процесса, процессуально представляемого состояния, деятельности). Из приведенного перечня примеров этим признакам соответствуют Atmung и Warten. Первое из этих слов репрезентирует модель суффиксальных производных на -ung, которая применяется в новонемецком преимущественно к основам префиксальных и сложных глаголов, а также глаголов с суффиксом -ier- (Anhörung, Hervorbringung, Globalisierung), следовательно, с некоторыми ограничениями, но в пределах указанных типов глаголов отличается высокой продуктивностью. Второе, (das) Warten — пример субстантивации глагола в форме инфинитива (разновидности конверсии), практически совершенно свободной, не знающей ограничений. В отличие, например, от Schweigen

или Bemühen, существительное Warten в слове «Das große Wörterbuch der deutschen Sprache»¹ не зафиксировано как самостоятельная лексическая единица, она лишь присутствует в некоторых примерах на глагол warten. Оно представлено, таким образом, как продукт такого преобразования глагола, которое не создает особого слова, а оставляет за этим своим продуктом статус одной из форм сохраняющей свое тождество глагольно-процессуальной лексемы. И это несмотря на то, что такое формообразование сопряжено с переходом слова в другую часть речи.

Так поступают лексикографы. В грамматической же литературе, в частности, в специальных работах по словообразованию, субстантивация инфинитива из понятия «словообразование», как правило, не исключается (и разногласия касаются в основном вопроса о том, используется ли в этом случае в качестве средства «конверсии», или «транспозиции», — наряду с артиклем — только субстантивная флексия [Eichinger 2000: 22] или же к основе глагола присоединяется суффикс *-en*, не формант инфинитива, а *-en* в другом качестве [Motsch 1999: 326]). Вместе с тем, признавая субстантивированный инфинитив автономным словом, авторы многих грамматических трудов отводят таким словам в общем словесном материале особое, можно сказать — периферийное, место, указывая, что их образование влечет за собой только «перекатегоризацию» (ср. «leidiglich eine Umkategorisierung» [там же: 321]). Это неумолимо наводит на мысль о таком подразделении лексического и грамматического в продукте «чистой» номинализации способом субстантивации инфинитива, при котором утверждается тождество лексического значения глагола и субстантивированного инфинитива («нового», особого слова) при различии общекаатегориальных и, разумеется, частных грамматических значений сопоставляемых образований. Но вряд ли можно пренебрегать положением о том, что форма — а категориально-грамматические значения формальны — содержательна, и поэтому грамматические значения нельзя представлять себе как признаки, сосредоточенные в некоем подобии чисто внешней «оболочки» лексического значения. Сказанное не следует понимать как «опровержение», ибо вопрос не ставится здесь в плоскости «или – или» (или «верно», или «неверно»). Нужно помнить о принципе относительности всяких тождеств и различий, и это в данном случае значит, что инфинитив-глагол и инфинитив-существительное не только не тождественны в грамматическом отношении, но не полностью «одно и то же» и в отношении лексико-семантическом. В. Мотч, в частности, указывает на то, что некоторые обязательные элементы синтаксического окружения глагола становятся факультативными при существительном — продукте его номинализации. Ср.: Er läßt den Motor in der Garage an — Das Anlassen in der Garage... [там же: 324]; объектная позиция при субстантивированном инфинитиве может оставаться не замещенной (существительным в генитиве или с предлогом

¹ Das große Wörterbuch der deutschen Sprache in 10 Bänden. 3., völlig neu bearbeitete und erweiterte Auflage. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich, 1999.

von). В этом проявляется свойство «отвлеченного» существительного, состоящее в том, что имя является «носителем признака, мыслимого самостоятельно» [Потебня 1958: 98], а это свойство присуще слову как целому, в единстве лексико-семантической и категориально-грамматической сторон его качественной определенности.

Дериваты на *-ung* массово обозначают как процессы в их протекании, так и отдельные акты в их завершенности. Отсюда хотя и не всеобщая, но весьма широко распространенная способность этих дериватов к образованию множественного числа (*Schwankung – Schwankungen*), тенденция к развитию у них собственно предметных значений (примеры приведены выше) и, соответственно, их массовая лексикализация. Относительно субстантивированного инфинитива по всем этим пунктам верно обратное. В общей зоне перехода от глагола к существительному субстантивированный инфинитив стоит значительно ближе к глаголу, чем дериваты на *-ung*: он представляет процесс в «несовершенном» аспектуальном ракурсе, он непричастен к оппозиции ед. и множ. числа, а количество учитываемых лексикографией «словарных» единиц этой формы ничтожно мало в сравнении с массой отмечаемых в текстах случаев субстантивации инфинитива. Все это свидетельствует о более резком, более глубоком противооречии между глагольной и субстантивной сторонами комплекса свойств субстантивированного инфинитива.

В теории полевой структуры грамматической системы языка переходные, промежуточные образования рассматриваются как такие же закономерные, органические явления, как и полярно противоположные друг другу в определенном отношении члены тех или иных категорий. Если — применительно к формальной категории «существительное» — рассматривать спектр его функциональных характеристик и констатировать относительно девербальных номинализаций и особенно относительно субстантивированного инфинитива отчетливое смещение от собственно предметного центра к «опредмечивающей» призначно-процессное содержание периферии, то нельзя ограничиться утверждением о том, что при этом имеет место утрата некоторых признаков из того комплекса признаков, который определяет специфику центра категории. Утраты возмещаются приобретениями, и эти приобретения исходят от категории-поля, в направлении которого происходит соответствующее смещение, в нашем случае — в направлении лексико-грамматических свойств глагола². Переходные явления в грамматическом строе языка представляют собой, следовательно, единства противоположностей. Это и есть глубинное основание того, что по отношению к субстантивированному инфинитиву неправомерно ставить вопрос о его «природе» под знаком альтернативы «или —

² Напомним, что в современном языке субстантивацией «освоены» среди прочего залоговые и относительно-темпоральные формы инфинитива, ср. *das Gebrauchtwerden, das Gemachthaben, das Bearbeitetsein*.

или»; таков, как уже было отмечено, вопрос о том, представляют ли собой, например, *warten* и (*das*) *Warten* одно слова или два.

Как к существительному, к современному субстантивированному инфинитиву зависящие от него слова присоединяются в категориальном наборе и в формах, которые свойственны подчиненным членам группы существительного. Это артикль (большой частью определенный), атрибутивные местоимения и прилагательные, беспредложный генитив и существительные с предлогами (также атрибутивный инфинитив и придаточные предложения, как правило, относительные и изъяснительные). В формальном отношении субстантивированный инфинитив (как и многие иные дееverbальные существительные, в первую очередь имена на *-ung*) проявляет свою отглагольность в том, что он в основном сохраняет формы «сильного» глагольного предложного управления, ср. (*das, sein*) *Bestehen auf...*, *Sympathisieren mit...*, *Bitten um...*, *Fürchten vor...* и т. п. Существеннее, однако, в смысле представленности глагольных свойств в словосочетаниях с ядром — субстантивированным инфинитивом функциональная сторона дела. Характерные для группы существительного формы при субстантивированном инфинитиве в качестве ее ядра воспроизводят синтактико-семантические отношения, свойственные группе глагола, а именно конкретизацию процессного значения (выборочно) его связями с субъектом, объектом (или объектами), орудием или каким-либо другим средством, теми или иными обстоятельствами. Ср., например, *das Aufwiegen der Menge unter freiem Himmel durch Provokateure zum Aufstand gegen die Staatsmacht*.

В доновонемецкой период истории немецкого языка глагольные свойства субстантивированного инфинитива проявлялись в синтаксисе группы существительного с таким ядром более определенно и ярко. Это находило выражение прежде всего в том, что при номинализации группы глагола путем субстантивации инфинитива он мог подчинять себе прямое дополнение в его типической приглагольной форме беспредложного accusativa. Из исторического языкового материала ограничимся привлечением фактов XV–XVI вв., времени перехода к формированию будущего немецкого национального литературного языка (времени возрастающей активности, усиления экономического и политического влияния городов, появления книгопечатания, деятельности М. Лютера, Реформации, создания первых немецких грамматик на родном языке и т. д.). Предварительно следует, однако, остановиться на одном вопросе, важном для общей теории грамматики, основывающейся на полевом принципе организации грамматического строя языка. В к о н т и н у м е переходов от центра поля к его периферии и, следовательно, в направлении к другому, в некотором существенном отношении противоположному полевому объединению грамматических явлений неизбежно видоизменяются соотношения противоположных свойств, соотношения их, так сказать, «удельного веса» в рамках отдельных групп «промежуточных» явлений, имеют место градации по «яркости». Назовем это условно отношениями доминанции — ус-

ловно, так как возможно и примерно равновесное соотношение противоположностей в их единствах, то есть как частный случай возможно и отсутствие выраженной «доминанции».

В связи с отношениями доминанции в сфере субстантивации инфинитива мы можем опираться на Г. Пауля, выдающегося представителя младограмматической школы и одного из самых вдумчивых исследователей немецкого языка, уделявшего в своем творчестве пристальное внимание грамматическим явлениям двойственного, внутренне противоречивого характера (ср., например, введение Г. Паулем в номенклатуру членов предложения понятия предикативного атрибута, анализ немецкого словосложения под углом зрения как бы замаскированного однословной формой композита синтаксиса — и не только это). Г. Пауль говорит о степенях (Grade) субстантивации инфинитива [Paul 1955: 135]. Инфинитив (без частицы *zu*) сближается с существительным, но в наименьшей степени (не позволяющей с уверенностью различать эти категориальные формы [Bech 1955: 20]), когда он в изолированном виде, без зависящих от него слов выступает как подлежащее или дополнение (*Irren ist menschlich*); осмысление инфинитива как глагольной или как субстантивной формы проявляется при неначальной позиции инфинитива в предложении только в его написании со строчной или с прописной буквы, причем нормативные предписания на этот счет отсутствуют, а авторы текстов проявляют колебания; ср.: ... *jetzt würde sie Kochen lernen müssen — Hast du auch fahren gelernt* (H. Fallada). Следующую ступень на шкале возрастания субстантивности занимают инфинитивы, вводимые предлогами, но не имеющие «левого» окружения, флективно согласующегося с ядром группы, что и оставляет инфинитив, употребленный таким образом, на более низкой — по сравнению со следующей — ступени субстантивации. Ср.: *Der wurde dadurch Gerichtsvollzieher, nämlich durch Studieren auf Assessor* (I. Keun). Высшей степени определенности достигает субстантивация инфинитива, когда он употреблен с каким-либо флективно согласующимся с ним (в среднем роде) элементом «левого» окружения (или рядом таким элементом), в первую очередь с артиклем (преимущественно определенным), также с атрибутивными местоимениями и (или) прилагательными; субстантивация инфинитива «в полной мере» сигнализируется равным образом его окончанием *-s*, когда он стоит в генитиве, и употреблением при нем зависимого (субъектного или объектного) генитива, в том числе «авторского» в препозиции. Ср.: *das Schweigen; sein Schweigen; Es trat ein bedrückendes Schweigen ein; Ins Schweigen hinein sagte jemand laut: «Hört mir zu!»; Peters Schweigen; trotz (des) Schweigens; das Schweigen der Vögel*. Во многих случаях признаки «полной» субстантивации инфинитива выступают комплексно. Добавим, что глагольная сторона субстантивированного инфинитива вообще несколько усиливается, когда субстантивируется не изолированный инфинитив, но к нему присоединены субъектные, объектные, обстоятельственные члены «исходного» глагольного окружения.

Кратко очерченное современное состояние уходит своими корнями в прошлое немецкого языка. В ранненовонемецкий период все отмеченные черты имели место, и имела место та же шкала степеней субстантивации, что и в современном немецком языке. Ср., в частности, «чистый» инфинитив как подлежащее или дополнение: *Nun ist aber wachsen in vnserm gewalt nit* (Murner. *An den Adel*); *Es sindt noch so vil tier vff erd, Die alle habent tragen gelert* (Murner. *Narrenbeschwörung*). Существенны, однако, и отличия ранненовонемецкого состояния в количественном и качественном отношениях, причем в том и другом проявляется в общем более высокий уровень глагольности субстантивированного инфинитива в ранненовонемецком. Когда в текстах XV–XVI вв. инфинитив употреблен с предлогом, во-первых, он преимущественно не сопровождается артиклем и, во-вторых, отмечаются нередкие случаи, когда к инфинитиву, включенному в субстантивный сочинительный ряд, присоединяется подчеркивающая его глагольность частица *zu*. Ср.: *Der heyd sprach / die Christen handlen jren gott vbel... mit fluchen vnd schweren* (Pauli. *Schimpff vnnd Ernst*); *Vor forchten wirt der weis ein stum* (Schwarzenberg. *Trostspruch um abgestorbene Freunde*); *so man schnöde weltliche geschicht vō streiten vñ sterchen sagt* (Eyb. *Spiegel der sitten*); *Vnd nam an sich ainen kostlichen stand mit stechenn, turnieren, dem könig gen hoff tzureyten vnnd ander sachenn* (Fortunatus). Предлог может вводить и одиночный инфинитив с *zu*: ... *der so etwas beschrieben hatt von menschlicher mass zu machen* (Dürer. *Schriftlicher Nachlaß*). В последнем случае вводящий инфинитив предлог «заодно» определил падеж приинфинитивного (прямого) дополнения. Совместное появление перед инфинитивом предлога и артикля (или другого флективно оформленного препозитивного элемента) также обычно, но наблюдается значительно реже; ср.: *Mancher, der im aufreissen ungeschickt ist* (Dürer).

Еще более определенно о перевесе глагольного начала в ранненовонемецком субстантивированном инфинитиве над началом «субстанциональным» свидетельствуют случаи, когда инфинитив с признаками субстантивации проявляет способность присоединять к себе зависимые слова в формах, которые свойственны им как членам не субстантивной, а глагольной синтаксической группы. Это касается в первую очередь существительных (приинфинитивный аккузатив), отдельных местоимений, а также атрибутов, выступающих при субстантивированном инфинитиве в наречной форме. Ср.: *Man sagt mir vor fünff tagen, er wär aus durch suechen den pesten ritter zer welt* (Füeterer. *Prosaroman von Lanzelot*); *ym ... enkegen schreyen mit wünschen das allerpeste* (Grosz. *Grisardis*); *mit küssen daz kreütz* (Pauli); *Also mit anderen dingen auch / mit Gott lieb haben / mit rüwen haben für die sünd / beger es zu haben* (Pauli); *durch antzeigen vrsach meines rats in disem furnemen* (Eberlin. *Sämtliche Schriften. Bd. 3*); ... *das die menschen auff wol trincken starck vnd bald entschlaffen* (Fortunatus); *auß dieser*

zeit schaiden muß on sonder lenger verziehen (Fortunatus); las dyn vmbher gaffen (Murner. Narrenbeschwörung)³.

В ходе формирования немецкого национального литературного языка было нормативно закреплено полное подчинение зависимого синтаксического окружения субстантивированного инфинитива формально-грамматическим закономерностям построения группы существительного. Помимо того, что инфинитив в субстантивных позициях систематически сопровождается препозитивными согласующимися «сателлитами», в первую очередь артиклем⁴, субъект и не нуждающийся в опосредовании предлогом объект выступают исключительно в форме генитива, а определение, которое в группе глагола имеет наречную форму, должно принимать склоняемую форму прилагательного (*lange warten* > *das lange Warten*, *dreimal umdrehen* > *durch dreimaliges Umdrehen* и т. п.). Перед исследователем возникает вопрос, можно ли поставить эти изменения, затронувшие частную морфосинтаксическую подсистему, в связь с какими-либо фундаментальными закономерностями исторического развития немецкого языка, определившими своеобразие его грамматического строя. На установлении такого рода системных взаимосвязей в ходе исторического развития языка постоянно настаивал В. Г. Адмони (см., например, [Адмони 1953: 28–29]). Одна из таких профилирующих закономерностей состоит в возрастании грамматической противоположности между глаголом и существительным. Это положение выдвигал и разрабатывал еще А. А. Потебня [1958: 516–517]. В. Г. Адмони плодотворно развил эту идею в ряде отношений применительно к развитию немецкого языка, охватывая соответствующим объяснительным принципом сложные связи морфологических и синтаксических преобразований [Адмони 1953: 39–42]. К последствиям дивергентного развития группы глагола и группы существительного относится различное центрирование флективного словоизменения — на ядре в группе глагола и на препозитивных зависимых членах группы существительного, устранение флективных форм приглагольного прилагательного (в функциях предикатива и предикативного атрибута), резкое ограничение употребления приглагольного генитива (его специализация на функции атрибута в группе существительного), различие в построении «рамочных» конструкций в сфере существительного и в глагольной сфере, более высокий уровень «компактности» и жесткости позиционных правил построения группы существительного (в частности устранение дистанцированного от ядра группы употребления генитивного атрибута, ср. *Domit ich auch mein shult bekenn aller meiner yrsaliger lere* (Eberlin)). Обрисо-

³ При препозиции дополнения комплекс «существительное + субстантивированный инфинитив» начинает втягиваться в словосложение, но именно начинает, что сказывается в частых колебаниях между раздельным и слитным написанием, ср., например: *ein spiegel fechten* (Murner. An den Adel) — *jhr spiefelfechten* (Pauli); *bluot vergiessen* (Eberlin) — *bluotvergiessen* (Eberlin, Murner).

⁴ Безартиклевое употребление инфинитива с предлогом отчасти закрепилось в новонемецком в ряде устойчивых сочетаний, ср. *ohne Zögern*, *auf Betreiben* (+ Gen).

ванная выше картина проявлений «половинчатости» субстантивации инфинитива в ранненововерхненемецкой речи и последующее «выравнивание» отношений в соответствующей грамматической подсистеме по общим правилам построения групп существительного дает основание для заключения, что и на этом участке строя немецкого языка мы имеем дело с действием той же тенденции к возрастанию грамматического контраста между группой глагола и группой существительного.

Эволюция отношений доминанции в отдельных частях рассматриваемой строевой подсистемы в конечном счете определила общий характер этих отношений в современном немецком языке: противоречие лексико-грамматической процессуальной призначности и категориально-грамматической субстанциональности субстантивированного инфинитива, не находя внешних проявлений благодаря унификации форм построения группы существительного, целиком отходит к функционально-семантической плоскости речемыслительного акта, для которой актуальна корреляция группы существительного с номинализированным ядром и лексико-семантически соответствующей этой группе группы глагола (вместе с его связью с субъектом процесса). В формально-грамматическом плане в новонемецкой литературно-языковой норме в субстантивированном инфинитиве доминирует субстантивное начало. Вместе с тем, следы исторически более раннего языкового состояния, при котором глагольная сторона внутренне противоречивого комплекса признаков субстантивированного инфинитива свободнее проявляла себя явным образом в грамматических формах, нередко дают себя знать и в текстах писателей XX века в виде различных нарушений установившейся грамматической нормы. Ср., например: *Dies einander in die Hände arbeiten von Mythologie und Psychologie* (Th. Mann); *Eine Weile noch geht es der Kranken sehr schlecht, und Fräulein von Kuckhoff hat viel zu tun mit guten Sprüchen, weisem Zureden, die kalten Hände zwischen den ihren wärmen, die schmerzende Stirn streicheln* (H. Fallada); *Er war für an die Wand stellen* (W. Köppen); *dieses den Briefen Entgegenwarten* (F. Werfel); *Schon das launische Auftauchen und wieder Sichverbergen der Bilder und Geschichten in jenem großen Buche war so* (H. Hesse).

Литература

- Адмони В. Г.* О некоторых закономерностях развития синтаксического строя // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. Вып. V. М., 1953.
- Адмони В. Г.* Статус обобщенного грамматического значения в системе языка // Вопросы языкознания. 1975. № 1.
- Кацнельсон С. Д.* Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
- Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. I–II. М., 1958.
- Bech G.* Studien über das deutsche verbum infinitum. Bd. 1. København, 1955.
- Eichinger L. M.* Deutsche Wortbildung. Eine Einführung. Tübingen, 2000.
- Motsch W.* Deutsche Wortbildung in Grundzügen. Berlin; New York, 1999.
- Paul H.* Deutsche Grammatik. Bd. IV. 2. Aufl. Halle (Saale), 1955.

СЕМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД И ТИПОЛОГИЯ ФУНКЦИЙ

В. Г. Гак (Москва)

В работах по функциональной грамматике можно обнаружить два подхода: семасиологический (от языковых форм к выражаемому ими содержанию) и ономасиологический (от содержания к языковым формам). Наиболее часто, однако, представлен смешанный подход: вначале через значения языковых форм устанавливается функционально-семантическое (понятийное) поле, затем семасиологически исследуются выражаемые языковыми средствами значения, относящиеся к данному полю. Разумеется, полный ономасиологический анализ предполагает обязательное привлечение средств разных языковых уровней (грамматического, лексического, просодического), способных выражать значения, входящие в данное поле. При этом важно применять метод логического исчисления, позволяющий определить все структуры, способные выразить данное значение.

Семасиологический аспект функционального подхода тесно связан с общим пониманием объема значения лингвистических единиц (слов, морфологических формантов, синтаксических конструкций). Логически исчисляются три теории, касающиеся объема значения языковых единиц (ЯЕ): унитарная (глобалистическая), считающая, что во всех употреблениях данной ЯЕ проявляется одно и то же общее парадигматическое значение (Р. О. Якобсон, Г. Гийом), плюралистическая (атомистическая), полагающая, что в каждом из своих значений языковая форма образует новую ЯЕ (частично — А. А. Потебня), и функциональная, признающая наличие разных значений у ЯЕ, которые несводимы к одному общему значению, хотя и могут вытекать одно из другого, причем в этой системе значений имеется определенная иерархия (Е. Курилович). Разные значения формы связаны отношениями конкатенации и / или радиации. К различным языковым явлениям могут быть приложены разные толкования. Трём отмеченным теориям соответствуют три возможных соотношения языковых форм в плане содержания: моносемия, омонимия, полисемия.

Мы рассмотрим функциональный подход к ЯЕ в семасиологическом плане, видя свою задачу в логическом исчислении самых общих типов их функций. Отметим, что само понятие функции мы трактуем в смысле, близком к идеям лингвистов Пражской школы, которые считают функцией любое назначение языкового элемента.

Функции языковых элементов разделяются на первичные и вторичные, а также на семантические и асемантические. Первичная функция проявляется в оппозиции, именно ради нее был сформирован в языке данный элемент. Она всегда семантическая, так как употребляемая в ней ЯЕ указывает на какое-либо явление действительности. В основе семантики ЯЕ лежит всегда оппозиция, пусть даже минимальная бинарная. Языковая единица

(a) вместе со своим парадигматическим противочленом (b) включается в общую категорию (C).

Элемент (a) может выступать в функции своего противочлена (b): $a \rightarrow b$. Например, форма настоящего времени — в значении прошедшего (так называемое историческое настоящее). Он может выступать в общем значении, когда оппозиция между двумя субкатегориями устраняется: $a \rightarrow C$. Таковы абсолютное настоящее время или форма числа или рода в функции нейтрализации. И наконец, элемент (a) может утрачивать соотношенность с экстралингвистическим объектом ($a \rightarrow \emptyset$), превращаясь в асемантический элемент, выполняющий лишь строевую функцию, либо функцию оформления знака. Таковы число у имен *pluralia tantum*, либо форма рода у существительных неодушевленных.

Итак, логически исчисляются четыре общих типа функций языковых знаков.

1. Первичная семантическая функция в оппозиции.
2. Вторичные семантические функции:
 - а) функция генерализации (в условиях нейтрализации оппозиции);
 - б) функция транспозиции (переносное употребление языковой формы).
3. Вторичная асемантическая функция, образующаяся в условиях отрыва знака от обозначаемого им элемента действительности.

Асемантическая функция может выполнять дистинктивное назначение, различая языковые единицы подобно фонемам.

Эти четыре функции проявляются не у каждой конкретной ЯЕ, но они свойственны языку в целом.

Подобного рода функциональный подход может быть успешно использован в изложении курса грамматики и лексикологии, при обучении языку и переводу. Он укрепляет менталистический взгляд на природу языковых форм, позволяя отграничить функцию от употребления и эффекта. Он побуждает искать для каждой языковой формы основную функцию, которая соответствует парадигматической позиции данного элемента и обнаруживает себя в минимальном контексте. Он заставляет углубленно изучать факторы, способствующие возникновению у ЯЕ вторичных функций. Различные значения ЯЕ предстают не как случайный набор, но как определенная система.

Описанный функциональный подход имеет важное значение для преподавания языка. Если первичные функции сопоставляемых ЯЕ двух языков совпадают в объеме, то факты усваиваются легко и ошибки не имеют места. Они возникают преимущественно в том случае, когда в изучаемом или родном языке ЯЕ используется во вторичных функциях, ибо здесь язык проявляет свою специфику, свои идиосинкразии и «капризы». Например, артикли во французском и английском языках используются одинаково в их первичной функции, тогда как во вторичных (генерализация, десемантизация) могут быть существенные расхождения.

Аналогична ситуация и в области перевода. При использовании в двух вариантах слов или форм в первичных функциях (с одинаковым объемом значений) можно переводить дословно, если же ЯЕ использованы во вторичных функциях, то могут возникнуть трудности при переводе. Например, при нейтрализации в функции генерализации: *Три и пять будет восемь* нельзя перевести на французский **Trois et cinq feront huit* (в отличие от русского языка, будущее время не может быть здесь использовано для передачи вневременного значения). Таким образом, семасиологический функциональный подход может быть надежной основой для сопоставительных и типологических исследований.

К ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ СЕМАНТИКИ, МОРФОЛОГИИ И СИНТАКСИСА

Г. А. Золотова (Москва)

1. Опираясь терминами «значение» и «функция», современная грамматическая теория не пришла к единому, непротиворечивому пониманию их. Между тем выявить специфику каждого из этих понятий, их познавательную и инструментальную роль в исследовании и описании языка несомненно важно.

Докладчик полагает, что проблема может обсуждаться на более широком фоне соотношений семантики, морфологии и синтаксиса в процессе порождения речи.

2. Коммуникативный процесс материализуется в текстах, устных и письменных, разного общественно-речевого значения. Каждый элемент языка существует для реализации в речи, в тексте, и свойством каждого является, помимо значения и формы, также его функция, или способ участия в построении коммуниката. Если значение языкового элемента отвечает на вопрос **что** выражено, форма — **как** или **чем** выражено, то функция — **зачем, для чего?**

Обосновывается таким образом, вопреки традиционному представлению о двустороннем характере языкового знака, **тройственный критерий** идентификации языковой единицы, в котором неразрывно взаимодействуют семантика, морфология и синтаксис.

3. Изложенное показывает:

а) необходимость и возможность терминологически определенного использования слова «функция» как исходного понятия функциональной грамматики;

б) невозможность существования грамматики неформальной, несемантической и нефункциональной, чем определяются, соответственно, и способы ее изучения;

в) необходимость укрупнения наблюдаемого грамматистами объекта, с выходом за рамки предложения в текст.

4. Тройственный критерий позволил выявить первичную, элементарную единицу синтаксиса — синтаксему как структурно-смысловую единицу речи и как условие научного представления синтаксического строя языка, что в свою очередь сделало возможным более последовательное решение ряда дискуссионных вопросов грамматики.

О ВОЗМОЖНЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ ПОНЯТИЯ «ЯЗЫКОВОЙ СМЫСЛ»

Ю. Л. Воротников (Москва)

В современной лингвистике ведутся весьма оживленные дискуссии вокруг понятия «языковой смысл», однако удовлетворительного ответа на вопрос, что же языковой смысл собой представляет, на наш взгляд, до сих пор нет (см. обзор существующих концепций языкового смысла в [Шведова 1998: 29–32], а также [Бондарко 1998: 6]).

А. Вежбицкая полагает, что смысл лежит в основе языка, а не наоборот. По ее мнению, значение нельзя описать, не пользуясь некоторым набором элементарных смыслов (или семантических примитивов). Поэтому самые сложные семантические структуры можно интерпретировать «как культуроспецифические конфигурации универсальных смысловых элементов — то есть врожденных (выделено нами — Ю. В.) человеческих концептов» [Вежбицкая 1999: 20].

По мнению А. Вежбицкой, врожденными являются только те концепты, которые обнаруживаются во всех языках, такие как ‘лицо’ (‘person’) и ‘вещь’ (‘thing’), ‘делать’ (‘do’) и ‘произойти’ (‘happen’), ‘где’ (‘where’) и ‘когда’ (‘when’) или ‘хороший’ (‘good’) и ‘плохой’ (‘bad’) [там же: 24]. Именно они представляют собой предшествующие языку врожденные элементарные смыслы или семантические примитивы.

Необходимо отметить, что идущая еще от Платона теория «врожденных идей» (или, в терминологии А. Вежбицкой, врожденных элементарных смыслов, семантических примитивов) вызывает многочисленные сомнения и даже совершенно отрицается современной психолингвистикой. Более обоснованным представляется учение Ж. Пиаже, в котором подчеркивается роль влияния среды на развитие ребенка и его когнитивных, а соответственно и языковых, способностей.

И. А. Мельчук, посвятивший проблеме языкового смысла многочисленные работы, понимает языковой смысл как определенную информацию (означаемое), то есть как сложное «семантическое представление», конструируемое из более простых единиц (сем); это означаемое передается соответствующими речевыми сигналами — означающим — текстовыми

единицами: словоформами, словосочетаниями, предложениями. Смысл, по мнению И. А. Мельчука, является инвариантом синонимических преобразований, заключающим в себе то общее, что имеется в равнозначных текстах [Мельчук 1974: 10—11].

Метод выделения сем, то есть элементарных «кирпичиков» смысла, никогда И. А. Мельчуком специально не эксплицировался, однако вполне очевидно, что он восходит к методам британской аналитической философии, предполагавшей, что любой сложный объект в принципе поддается членению на более простые части. «Сложный объект — например, смысл слова — познается тем самым через анализ составляющих его более простых частей» [Фрумкина 1996: 77].

Методу А. Вежбицкой обнаружения врожденных элементарных смыслов (семантических примитивов) путем *тренированной интроспекции*, то есть путем наблюдения за собственным языковым сознанием, или методу И. А. Мельчука полагания сем не наблюдаемыми, а постулируемыми сущностями может быть противопоставлен иной путь поиска языкового смысла, по принципу «что мы находим запечатленным в языке» или, иными словами, какие смыслы в нем **формально категоризованы**.

Мы исходим из развиваемой в последних работах Н. Ю. Шведовой идеи о том, что высшим уровнем категоризации смыслов в языке является уровень местоименных слов. Система местоимений специально предназначена языком для обозначения таких глобальных понятий ментального и физического мира, как живое существо, предмет, действие, признак, время, место, цель, причина, мера и т. д. Таким образом, местоимения являются **естественными языковыми категоризаторами смысла**. Поэтому можно дать такое определение языкового смысла: «Это самое общее понятие, первично означенное местоименным исходком... и материализуемое при помощи таких разноуровневых языковых единиц, семантика (языковое значение) которых включает в себя соответствующее понятие и объединяет все эти единицы в некое семантическое множество» [Шведова 1998: 32].

Так понимаемый смысл является именно языковым, самим языком формализованным и предоставленным в распоряжение говорящего. Это — смысл категориальный. Конкретные же смыслы, вкладываемые в высказывание говорящим (в терминологии А. А. Потебни, смыслы «лично-объективные»), в принципе, очевидно, исчислению не поддаются (по крайней мере на нынешнем уровне развития науки о языке).

Замкнутый список исходных, глобальных категориальных языковых смыслов и незамкнутое множество смыслов, поставляемых говорящим для языкового выражения, не вступают в противоречие: система исходных языковых смыслов достаточно гибка, чтобы позволить говорящему реализовать любые его смысловые интенции. Можно сказать, что язык в смысловом отношении соразмерен человеческому мышлению.

Литература

- Бондарко А. В.* О стратификации семантики // Общее языкознание и теория грамматики. СПб., 1998.
- Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
- Мельчук И. А.* Опыт теории лингвистических моделей «смысл \leftrightarrow текст». М., 1974.
- Фрумкина Р. М.* «Куда же нам плыть?..» // Московский лингвистический альманах. Вып. 1. М., 1996.
- Шведова Н. Ю.* Местоимение и смысл. М., 1998.

О ПОНЯТИИ И ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ ДОПОЛНЕНИЯ ОБЪЕКТА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

М. А. Шелякин (Тарту, Эстония)

Одним из элементарных синтактико-семантических компонентов простого предложения является член предложения, который принято называть дополнением объекта (или категорией объекта). Однако границы этого члена предложения строго не определены, что привело в ряде синтаксических работ либо к отказу от его выделения как особого члена предложения, либо к истолкованию его в широком философском плане как обозначенного предмета, на который направлено действие или отношение субъекта предложения.

Несмотря на некоторую «ненадежность» подстановки падежных вопросов для идентификации дополнения объекта, в большинстве случаев она все же «работает», что объясняется общей функцией падежных вопросов указывать на объект, в отличие от обстоятельственных вопросов: иначе трудно объяснить их знаковое и функциональное различие. Языковое представление объекта отличается от философского понимания объекта как всего предметного, что не есть субъект и на что направлено действие или отношение.

Семантическое истолкование объектного компонента в одной «связке» в ситуационных отношениях с субъектом и предикатом предложения позволяет определить дополнение объекта как член предложения, обозначающий внешний по отношению к субъекту предложения целостный предмет (конкретный, абстрактный) или событие, которые так или иначе включены в проявление предиката, являясь либо сферой распространения (приложения) признаков предиката, либо каузаторами (стимуляторами) и медиативами проявления предиката.

В предложенном определении дополнения объекта намеренно снято упоминание о признаках «предметной направленности» предиката и «непосредственной направленности», поскольку дополнение объекта может

быть непосредственно ненаправленным для предиката (ср. медиативы), опосредственным для предиката (*Я купил книгу для сына*) и каузирующим проявление предиката (*Ребенок радуется игрушке*). В нашем определении намеренно снято также указание на то, что дополнение объекта выражает предметное или предметно-вещественное значение, так как в семантической структуре простого предложения его члены могут выражать не только компоненты отдельного события, но и сами «свернутые» события: (ср. *Мы говорили о нем* и *Мы говорили о его мечте стать летчиком — Мы говорили о том, что он мечтает стать летчиком*).

Указание на то, что дополнение объекта обозначает именно целостный предмет, позволяет отличить его от обстоятельственных предметных локализаторов, обозначающих место или пространственный пункт направленности при предикатах нахождения и перемещения. Дополнение объекта имеет в виду всегда предмет как нечто целое, на что указывают падежные вопросы, а пространственные локализаторы — внешние или внутренние пределы предметов, на что указывают пространственно-обстоятельственные вопросы: ср. *говорить о лесе, охранять лес, изображать лес, но жить около леса, войти в лес, выйти из леса, идти через лес*. Считать пространственные локализаторы дополнениями объекта нет оснований, поскольку они не обозначают нечто целое и мыслимое вне предметов и не являются сферой распространения предиката: ср., с одной стороны, *завернуть книгу в бумагу* (бумага покрывает книгу), *одеться в пальто*, но *внеести чемодан в комнату, войти в комнату, перейти улицу* (пространственные локализаторы не приобретают признаков перемещения).

Под сферой распространения (приложения) признаков предиката мы понимаем отражение их в объекте в качестве приобретаемых им свойств, функций и отношений под влиянием предиката, что и является включенностью объекта в проявление предиката. Объектные каузаторы (стимуляторы) и медиативы (орудия, средства и фабрикативы) также включены в проявление предиката, поскольку они либо вызывают соответствующий предикат, либо служат посредниками осуществления предиката.

В зависимости от семантических особенностей предикатов дополнения объекта можно подразделить на следующие типы с выделением среди них структурно-событийных и событийных подтипов:

- 1) дополнения каузируемого объекта, при котором предикаты по своей направленности являются центростремительными от субъекта предложения;
- 2) дополнения каузирующего (стимулирующего) объекта, при котором предикаты являются одновременно центробежными и центростремительными по отношению к субъекту предложения;
- 3) дополнения агентивного объекта, при котором предикаты являются центробежными или двунаправленными по отношению к субъекту предложения;

4) дополнения медиативного объекта (орудия, средства, фабрикатива): он, как правило, является каузируемым и одновременно служит для каузации других объектов;

5) дополнения генетивного объекта, обозначающего предмет как источник, среду получения, происхождения, принадлежности, воспроизведения;

6) дополнения замещающего объекта, обозначающего предмет, выступающий взамен другого объекта;

7) дополнения замещаемого объекта, обозначающего предмет, вместо которого выступает субъект предложения;

8) дополнения совместного / несовместного объекта, обозначающего предмет, совместный или несовместный с другим объектом или действием субъекта;

9) дополнения объекта, служащего для включения / исключения, присоединения / отсоединения других объектов;

10) дополнения интенционального объекта, обозначающего предмет, явление, событие направленных восприятий, ментальных, эмоционально-модальных процессов, деятельности человека;

11) дополнения делиберативного объекта, раскрывающего содержание речемыслительных, ментальных, эмоционально-модальных процессов или восприятия;

12) дополнения реляционного объекта, по отношению к которому устанавливаются взаимные связи и сопоставления других объектов или субъекта предложения;

13) дополнения лимитативного объекта, ограничивающего область, сферу проявления признаков предиката (типа: *горький по вкусу, работать по плану*);

14) дополнения детерминативного объекта, выступающего в качестве присоставного распространителя, ограничивающего проявление субъектно-предикатных отношений (типа: *Для любителя она хорошо поет. Перед ним все равны*).

Каждый из выделенных типов дополнений объекта имеет свои функционально-семантические разновидности, опирающиеся на особенности формального выражения.

Дополнения объекта представляют универсальное функционально-семантическое поле объектности, взаимодействующее с универсальными функционально-семантическими полями субъектности и предикатности предложения.

ЧТО ТАКОЕ ПРЕДИКАТИВНАЯ ЕДИНИЦА?

С. Г. Ильенко (Санкт-Петербург)

Каждый, кому приходилось заниматься грамматическим описанием, неизбежно сталкивался с неупорядоченностью лингвистической терминологии. Т. Г. Винокур остроумно определила суть этого обстоятельства в книге «Говорящий и слушающий»: «... жизнь терминов приобрела сейчас отчасти миграционный характер “бродячих сюжетов”, при котором они начинают утрачивать свои основные функционально-семантические признаки: однозначность и соответственно экспрессивно-стилистическую нейтральность...» [Винокур 1993: 8]. Это касается не только периферийных терминов и понятий, но и фундаментальных. Не избежал этого процесса и фразеологизм **«предикативная единица»**.

Сложилось так, что это понятие стало употребляться достаточно широко и без необходимой содержательной строгости. Можно указать, по крайней мере, на три случая разного синтаксического значения фразеологизма «предикативная единица»:

1. В качестве определения основного грамматического значения предложения, противопоставленного словосочетанию:

«Словосочетание понимается как непредикативная структура; предложение же составляет объект статического аспекта синтаксиса как **предикативная единица** (выделено нами — *С. И.*), т. е. как структура, обладающая синтаксическими категориями лица, модальности и времени» [Белошапкова 1967: 15].

Приведенное употребление весьма популярно, оно было свойственно и В. В. Виноградову, характеризующему предложение как «предикативную единицу» (статический аспект, по В. А. Белошапковой) и как «коммуникативную единицу» (динамический аспект, по В. А. Белошапковой).

2. В качестве обозначения компонента сложного предложения:

«Обязательным и единственным конституирующим признаком компонентов сложного предложения является то, что они обладают категорией предикативности. Соответственно будем называть их **предикативными единицами**» (выделено автором — *С. И.*) [Грамматика 1970: 652].

В этом понимании фразеологизм «предикативная единица» (ПЕ) оказался терминованным и стал употребляться наряду с терминами «предикативная часть» [Крючков, Максимов 1969: 6]¹, «предикативная конструкция» [Ширяев 1986: 11], «предикативный компонент» [Ильенко: 2001]. Любопытно также и то, что М. И. Черемисина и Т. А. Колосова в книге

¹ См. их определение: «**Предикативные части** (выделено нами — *С. И.*), входящие в состав предложения, имеют внешнее структурное сходство с простыми предложениями, но, сливаясь друг с другом интонационно и по смыслу, они не обладают двумя важнейшими признаками предложения: интонационной и смысловой законченностью» [Крючков, Максимов 1969: 6].

«Очерки по теории сложного предложения», употребляя по отношению к компонентам сложного предложения и термин «предикативная единица», и термин «предикативная часть», различают их по тому признаку, что первый «сохраняется за знаменательным компонентом», а второму приписывается то целое, «в котором соединяется ПЕ и показатель связи». «Таким образом, предикативная часть (ПЧ) — непосредственно составляющая полипредикативного бинорма, а предикативная единица — знаменательная часть ПЧ» [Черемисина, Колосова 1987: 17]. По сути дела, это разграничение связано в определенной мере с третьей трактовкой «предикативной единицы», а именно:

3. В качестве обозначения некой абстракции, воплощающейся реально как в простом предложении, так и в компоненте сложного. Это некая обобщенная структура, в которой представлены предикативные категории модальности, времени и лица. Именно это толкование имеет в виду, видимо, и Е. Н. Ширяев, заменивший, однако, термин «предикативная единица» термином «предикативная конструкция». «Предикативная конструкция, — пишет он, — это конструкция, в которой тем или иным способом выражены предикативные категории времени и модальности» [Ширяев 1986: 11].

Подытоживая приведенные суждения о ПЕ, заметим следующее. Целесообразнее компонент сложного предложения (СП) именовать предикативным компонентом СП (ПК СП), при этом словом «компонент» подчеркивается его причастность к более разветвленной конструкции, словом «предикативный» — грамматическая сущность. Термин «предикативная единица» по отношению к СП, думается, менее удачен, поскольку слово «единица» используется для терминов языковых субстанций при уровне рассмотрения языка (ср. фонетическая единица, морфологическая единица и т. п.). Круг подобных единиц ограничен. Использование же термина «предикативная единица» связано с необходимостью противопоставить статический аспект предложения — динамическому (коммуникативному). «Предикативная единица» (ПЕ) — это, как было сказано, некая абстрактная структура, реализующаяся как динамическая субстанция и в простом (1), и в сложном предложении (2). В этом смысле текст можно рассматривать как композиционно-синтаксическую систему, состоящую из разных комбинаций ПЕ, с одной стороны, коммуникативно самостоятельных, с другой — несамостоятельных, входящих в более сложное предложение любой природы (сочинительное, подчинительное, бессоюзное).

(1) Кутузов не понимал того, что значило Европа, равновесие, Наполеон. Он не мог понимать этого. Представителю русского народа, после того как враг был уничтожен, Россия освобождена и поставлена на высшую степень своей славы, русскому человеку как русскому, делать было нечего. Представителю народной войны ничего не оставалось, кроме смерти. *И он умер* (Л. Н. Толстой. Война и мир. Т. II, ч. IV, XI).

(2) На третий день после донесения Кутузова в Петербург приехал помещик из Москвы, и по всему городу распространилось известие о сдаче Москвы французам (Л. Н. Толстой. Война и мир. Т. IV, ч. I, II).

В свое время польский лингвист З. Клеменевич выделил три типа сцеплений ПЕ (в его терминологии – предложений): 1) **свободное** (тематическая и содержательная связь самостоятельных простых предложений, не имеющих никаких грамматических примет связи друг с другом); 2) **связанное** (тематическая и содержательная связь самостоятельных простых предложений, имеющих определенные грамматические приметы этой связи, например, союзы, местоимения); 3) **тесное** (использование коммуникативно несамостоятельных простых предложений в составе сложного предложения) [Klemensiewicz 1957: 65–68]. В самом деле, специфика текста любого стиля во многом определяется спецификой тех комбинаций, которые обеспечиваются различными соотношениями предикативных единиц.

Литература

- Белошапкина В. А.* Сложное предложение в современном русском языке. М., 1967.
- Винокур Т. Г.* Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М., 1993.
- Грамматика* современного русского литературного языка. М., 1970.
- Ильенко С. Г.* Возвращаясь к определению сложного предложения (терминологический аспект) // Сборник статей, посвященный 75-летию юбилею С. П. Лопушанской. Волгоград, 2001 (в печати).
- Крючков С. Е., Максимов Л. Ю.* Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. М., 1969.
- Черемисина М. И., Колосова Т. А.* Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск, 1987.
- Ширяев Е. Н.* Бессоюзные сложные предложения в современном русском языке. М., 1986.
- Klemensiewicz Z.* Zarys składni polskiej Wyd. 2. Warszawa, 1957.

В КАКОМ СМЫСЛЕ СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ЯВЛЯЕТСЯ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИМ ЕДИНСТВОМ? (К проблеме классификации)

М. Я. Дымарский (Санкт-Петербург)

Начальным стимулом для рассуждений нам послужат предложения вида (1) *Вечно в кожаных перчатках, чтоб не делать отпечатков, жил в гостинице «Советской» несоветский человек* (В. Высоцкий).

Перед нами сложноподчиненное предложение (СПП) с целевым придаточным. В структурно-семантической классификации сложноподчиненных предложений, опирающейся на оппозицию расчлененности / нерасчлененности их структуры, целевые придаточные входят в круг детерминантных с общим значением обусловленности; все придаточные этой группы рас-

пространяют главную часть «в целом» (вариант: ее предикативный центр)¹.

Однако в примере (1) вполне стандартное целевое придаточное оказывается компонентом *нерасчлененной* структуры (так как подчинено не предикативному центру, а присловному распространителю — дуплективу с определительно-обстоятельственным значением), а следовательно, автоматически теряет признак детерминантности. Но и ни к одному из типов нерасчлененных предложений, предусматриваемых современными классификациями, этот пример отнести тоже нельзя. Налицо противоречие: явление существует, а места в классификации для него нет.

Между тем речь идет о явлении отнюдь не маргинальном. Примеры использования в присловной позиции придаточных, которые обычно относят к детерминантным, причем примеры из нормативной литературной речи, легко умножить, да и само это явление хорошо известно. Ср.:

(2) *На этом одутловатом лице она (Магда. — М. Д.) улавливала почему-то выражение своей матери, когда та старалась быть вежливой с влиятельным жильцом* (В. Набоков): временное придаточное в присубстантивной позиции с определительной функцией;

(3) *Странно сказать: страх рассеялся; кошмар теперь перешел в несколько бредовое, но блаженное состояние, когда можно сладко и свободно грешить, ибо жизнь есть сон* (В. Набоков): то же;

(4) *...он (Горн. — М. Д.) об этом говорит с такими вздохами, словно влюблен в женщину* (В. Набоков): сравнительное придаточное в местоименно-соотносительной структуре с функцией восполнения семантической недостаточности местоимения *такими* в главной части.

Существование отмеченного явления, разумеется, не является секретом и для авторов упомянутых классификаций. Однако возникающее противоречие они, как правило, обходят молчанием; исключение составляют лишь работы В. А. Белошапковой, в которых оно подвергается теоретической рефлексии, но осмысливается как проявление побочной тенденции — результат осложнения главной предикативной части введением дополнительной пропозиции, которая оформлена непредикативной конструкцией, но подчиняет себе придаточное детерминантного типа; основная же тенденция, по мнению В. А. Белошапковой, заключается в том, что детерминантное придаточное распространяет предикативный центр главной части, что равносильно распространению главной части в целом. Именно эту ос-

¹ Учтены классификации 1) В. А. Белошапковой — структурно-семантическая в ее «классическом» варианте [Белошапкина 1989: 748–763]; 2) «Русской грамматики» (авторы разделов И. Н. Кручинина и М. В. Ляпон) — расширенный и предельно детализированный вариант структурно-семантической классификации [Русская грамматика 1980: 467–614]; 3) Г. А. Золотовой — оригинальная классификация с элементами структурно-семантического, логико-грамматического и коммуникативно-синтаксического подходов [Золотова и др. 1998: 344–359]; 4) Н. С. Валгиной — существенно упрощенная классификация, совмещающая признаки структурно-семантической и традиционной школьной [Валгина 1973: 288–341].

новную тенденцию, и только ее, автор учитывает в итоговой классификации [Белошапкина 1967: 112–117; 1989: 736, 751–753].

Понятие расчлененности / нерасчлененности структуры сложноподчиненного предложения, представляющее собой усовершенствованный вариант введенной Н. С. Поспеловым оппозиции двучленности / одночленности структуры СПП, составляет одно из важнейших достижений синтаксической теории XX в.² Тем не менее, отмеченное противоречие побуждает к дальнейшим размышлениям.

В основу структурно-семантической классификации СПП положен принцип обязательной корреляции между структурным типом предложения и его семантикой. Этот принцип — интуитивно кажущийся бесспорным — в самой классификации проведен непоследовательно. С одной стороны, в ней представлены типы предложений, выделяемые на структурном основании — морфологическом типе контактного слова и / или союзного средства (присубстантивные, прикомпаративные, местоименно-соотносительные) и включающие иногда весьма далекие друг от друга семантические разновидности: например, во многом различны выделительно-определятельные и повествовательно-распространительные предложения внутри присубстантивного типа; еще глубже дифференцируются разновидности внутри местоименно-соотносительного типа. С другой стороны, в классификации представлены типы предложений, выделяемые прежде всего по семантическому критерию: изъяснительные и все детерминантные. При этом, как показывает языковой материал, разным классам предложений, выделяемым на этом основании, свойственна разная степень закрепленности семантического типа за типом структуры: если СПП изъяснительной семантики практически всегда отвечают характеристике предложений нерасчлененной структуры (даже если включать в них местоименно-соотносительные предложения вмещающего типа с контактными рамками вида *начал с того, что* [Ильенко, Стельмашук 2001]), то СПП с придаточными обстоятельственной семантики (времени, условия, цели, уступки и др.) могут иметь как расчлененную, так и нерасчлененную структуру. Таким образом, в структурно-семантической классификации представлены, с одной стороны, преимущественно-структурные типы СПП, с другой — преимущественно-семантические, причем как в первых, так и во вторых недостаточно строго соблюдается исходный принцип закрепленности определенной семантики за определенной структурой.

² Широта контекста здесь намеренная: нам важно подчеркнуть, что это достижение имело определенное влияние не только на теорию сложного предложения, но и на учение о простом предложении, не говоря уже о синтаксисе текста. С. Г. Ильенко в своих докладах и лекциях последнего времени, в частности, нередко высказывает мысль о том, что открытие детерминантов и развитие теории детерминации предложения, связанные с именем прежде всего Н. Ю. Шведовой (60-е гг.), были предвосхищены введением оппозиции одночленности / двучленности структуры сложноподчиненного предложения в работах Н. С. Поспелова (40-е — 50-е гг.).

Результат этой непоследовательности можно видеть не только в трудностях интерпретации, с позиций данной классификации, предложений вида (1-4), но и в принципиальной «неинтерпретируемости» таких, скажем, предложений, как

(5) *Магда в детстве ходила в школу, и там ей было легче, чем дома, где ее били много и зря...* (В. Набоков).

Совершенно очевидна полная синонимичность выделенной конструкции предложению

(5a) *...и там ей было легче, чем в родном доме, где ее били много и зря...*,

— и даже производность (5) от (5a). Тем не менее, признать выделенную в (5) конструкцию предложением с *присубстантивным* придаточным повествовательно-распространительной разновидности невозможно, так как *дома* — наречие. Ясно, что способность присоединять зависимый компонент с определительной функцией могут наследовать, вместе с семантикой, только отсубстантивные наречия, или, реже, адвербиализованные существительные, — но как, все-таки, квалифицировать эту конструкцию? И не резоннее ли вместо подыскивания подобных объяснений подвергнуть ревизии основания классификации, слишком часто вынуждающей и исследователя, и преподавателя к поиску таких объяснений?

Сходное положение наблюдается и в отношении тезиса о противопоставленности СПП нерасчлененной и расчлененной структуры по признаку, соответственно, предсказующего / непредсказующего характера подчинительной связи [Белашапкина 1989: 753]. Этот тезис оправдывается лишь сравнительно узким кругом «образцовых», «чистых» примеров, но опровергается возможностью весьма свободно изменять характер придаточной части в очень многих предложениях, по всем признакам отвечающих определению СПП нерасчлененной структуры. Например, для предложения (5a), равно как и для предложения (5), вполне возможны следующие продолжения вместо имеющегося придаточного — при сохранении подчиненности придаточной части именно существительному:

(5a₁) *...и там ей было легче, чем в родном доме, особенно когда старший брат сидел без работы;*

(5a₂) *...и там ей было легче, чем в родном доме, особенно после того как в квартире поселился новый жилец;*

(5a₃) *...и там ей было легче, чем в родном доме, если дома были отец и братья, без конца ее шпынявшие;*

(5a₄) *...и там ей было легче, чем в родном доме, откуда ей так часто хотелось сбежать навсегда;*

(5a₅) *...и там ей было легче, чем в родном доме, чтобы не называть его «проклятым домом», как она его про себя называла.*

Заметим, что в примерах (5a₁-5a₃) присоединение детерминантного, по определению, придаточного актуализирует в сравнительном обороте пропозициональное значение, так что придаточное относится не к существи-

тельному как таковому, а к пропозиции, скрытой за сравнительным оборотом, базирующимся на этом существительном. Но это наблюдение, в сопоставлении с примерами (5, 5а, 5а₄ и 5а₅), лишь доказывает, во-первых, то, что пропозициональное содержание есть величина релятивная, а во-вторых, то, что тезис о предсказуемом типе подчинительной связи в СПП нерасчлененной структуры, по меньшей мере, требует дополнительных обоснований и конкретизации.

Теория сложноподчиненного предложения, как уже было отмечено, своеобразно отразилась в теории простого предложения учением о детерминации; но не правомерно ли теперь попытаться соотнести обновленную этим учением теорию простого предложения с теорией СПП? Если же такую попытку предпринять, то станет очевидной, прежде всего, немотивированность приписывания целой группе семантических типов придаточных только детерминантного статуса. Ведь в простом предложении один и тот же обстоятельственный член при разных условиях может быть как присловным распространителем, так и детерминантом:

(6) *Опять эта вечно угрюмая Расторопова явилась!*

(6а) *Вечно у тебя какие-то секреты с этой Растороповой / Вечно она чего-то угрюмо просит / Вечно ей чего-то от нас нужно!*
и т. п.

Представляется неясным, почему, в таком случае, в СПП предикативный аналог обстоятельственного члена должен иметь только детерминантный статус, особенно если учесть, что терминологическая преемственность (*детерминант — детерминантное придаточное; присловный распространитель — присловное придаточное*) как раз подчеркивает, что в обоих случаях подразумевается идея *распространения центра*: в простом предложении — предикативного центра, в сложноподчиненном — главной части (ее предикативного центра).

Принцип обязательной закреплённости определенного типа содержания за определенной структурой, лежащий в основе структурно-семантической классификации СПП, верен только интуитивно, но языковым материалом, как видим, подтверждается лишь отчасти. Сама идея структурно-семантического единства порождена подходом к сложному (и в особенности сложноподчиненному) предложению как к особой языковой единице и, соответственно, связана с выделением особого уровня языковой системы — уровня сложного предложения. Но одно дело — неповторимое структурно-семантическое единство конкретного сложноподчиненного предложения как речевого продукта, и совсем другое — качество структурно-семантической целостности, заложенное в представлении о модели СПП как обязательном требовании и связанное с закреплением определенных типов семантики за строго определенными типами структуры.

В последнее время все более привлекательной кажется мысль о том, что единственный полноценный синтаксический уровень языковой системы — это уровень предложения как минимальной коммуникативной еди-

ницы, которая может быть как моно-, так и полипредикативной, но при этом сохраняет единые для *предложения вообще* закономерности организации. Прототипической для этого уровня является модель простого распространенного предложения. Сложноподчиненные конструкции должны рассматриваться как явление предикативного распространения предложения — что согласуется с представлением, положенным в основу структурно-семантической классификации. Остальные же уровни (синтаксемный, словосочетательный) должны рассматриваться как вспомогательные подуровни синтаксического описания, но не языковой системы.

Классификация сложноподчиненных предложений должна в этом случае основываться на действующих представлениях о структуре простого распространенного предложения, или, что то же, предложения вообще; следовательно, на придаточную часть, понимаемую как предикативный распространитель предложения, должны быть *в полной мере* экстраполированы действующие представления о свойствах распространителей простого предложения — как присловных, так и «присхемных».

При этом классификация СПП должна, с одной стороны, сохранить безусловную преемственность со структурно-семантической классификацией, но, с другой стороны, приобрести гибкость, что увеличит ее объяснительную силу. Для этого в классификации должны быть четко разграничены три аспекта: 1) тип структуры СПП, включая тип позиции придаточного; 2) тип функции придаточного по отношению к главной части; 3) тип семантики придаточного. Очевидно, что в ряде моделей СПП, обладающих наиболее высокой степенью грамматикализованности, но и наиболее «прозрачно» устроенных, все три параметра окажутся в отношениях жесткой взаимной обусловленности, но такая жесткая взаимосвязь параметров не должна рассматриваться как обязательное требование. Наличие подобной взаимосвязи можно интерпретировать как критерий, на основании которого конкретное СПП может быть признано прямой реализацией существующей в языке модели — в отличие от других СПП, которые могут рассматриваться как речевые преобразования языковых моделей, их контаминации и т. п.

Основу такой классификации можно наметить следующим перечнем параметров:

1. тип структуры СПП:
 - 1.1. расчлененная;
 - 1.2. нерасчлененная:
 - 1.2.1. с морфологически мотивированной связью:
 - 1.2.1.1. с присубстантивной позицией придаточного, в том числе с позицией при десубstantиве («приотсубstantивной»);
 - 1.2.1.2. с прикомпаративной позицией придаточного;
 - 1.2.2. с семантически мотивированной связью:

- 1.2.2.1. обязательной — с мотивацией лексическим значением контактного слова;
- 1.2.2.2. необязательной — с мотивацией значением свернутой пропозиции;
- 1.2.3. с корреляционной связью (местоименно-относительной);
- 2. тип функции придаточного:
 - 2.1. функция «присхемного» распространителя (детерминантная);
 - 2.2. функция присловного распространителя:
 - 2.2.1. атрибутивная;
 - 2.2.2. объектная;
 - 2.2.3. обстоятельственная:
 - 2.2.3.1. определительно-обстоятельственная;
 - 2.2.3.2. пропозитивно-обстоятельственная — функция распространителя при свернутой пропозиции; тип, совмещающий признаки функций (а) и (б);
 - 2.2.4. комплетивная — функция восполнения семантической недостаточности местоимения в главной части (в местоименно-соотносительных предложениях);
 - 2.3. присоединительная;
- 3. тип семантики придаточного:
 - 3.1. определительная;
 - 3.2. изъяснительная;
 - 3.3. локальная;
 - 3.4. темпоральная;
 - 3.5. целевая;
 - 3.6. следственная;
 - 3.7. условная;
 - 3.8. причинная;
 - 3.9. уступительная;
 - 3.10. сравнительная;
 - 3.11. образа действия.

Легко видеть, что под функцией придаточного по отношению к главной части в данном случае понимаются синтаксические значения высокой степени абстракции, которые и на уровне простого предложения нередко рассматриваются именно как функции. Применительно же к сложному предложению такая интерпретация представляется еще более мотивированной; ведь лингвистике известна закономерность, согласно которой отвлеченные значения на более высокой ступени организации приобретают еще более отвлеченный характер, превращаясь, по сути, именно в функции: таковы, например, значения темы и ремы, которые на уровне организации текста приобретают исключительно формальный характер (см. [Николаева 1972; Daneš 1974]).

Что же касается типа семантики придаточного, то этот тип определяется с учетом характера смысловой соотнесенности придаточной и главной частей, но при обязательном внимании к используемому союзному средству, так как именно последнее часто служит «паспортом» придаточного.

С этих позиций приведенные выше предложения описываются следующим образом.

(1) *Вечно в кожаных перчатках, чтоб не делать отпечатков, жил в гостинице «Советской» несоветский человек*: СПП нерасчлененной структуры, с необязательной семантически мотивированной связью, с целевым придаточным в пропозитивно-обстоятельственной разновидности функции присловного распространителя;

(2) *На этом одутловатом лице она улавливала почему-то выражение своей матери, когда та старалась быть вежливой с влиятельным жильцом*: СПП нерасчлененной структуры, с морфологически мотивированной связью, с темпоральным придаточным в присубстантивной позиции, в атрибутивной (точнее — выделительно-определяющей) разновидности функции присловного распространителя;

(4) *...он об этом говорит с такими вздохами, словно влюблен в женщину*: СПП нерасчлененной структуры, с корреляционной связью (местоименно-соотносительное), со сравнительным придаточным в комплетивной разновидности функции присловного распространителя (в данном случае восполняется недостаток определяюще-обстоятельного значения);

(5) *...и там ей было легче, чем дома, где ее били много и зря...*: СПП нерасчлененной структуры, с морфологически мотивированной связью, с локальным придаточным в «приотсубстантивной» позиции, в присоединительной функции, с причинным оттенком.

Думается, что описание сложноподчиненного предложения в соответствии с намеченной схемой позволяет охватить больше особенностей конкретной конструкции, сделать характеристику более полной и точной. Разумеется, детали этой схемы подлежат дальнейшему уточнению, но несомненным представляется принцип относительно автономного рассмотрения структурного, функционального и семантического аспектов организации сложноподчиненного предложения — принцип, означающий отказ от трактовки СПП как *обязательно-моделируемого* структурно-семантического единства в пользу трактовки СПП как структурно-семантического единства, *необязательно* поддающегося моделированию.

Литература

Белошапкина В. А. Сложное предложение в современном русском языке. М., 1967.

Белошапкина В. А. Синтаксис // Современный русский язык: Учеб. для филол. спец. ун-тов. 2-е изд., испр. и доп. М., 1989.

Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка: Учеб. для вузов. М., 1973.

Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.

Ильенко С. Г., Стельмашук А. К проблеме классификации нерасчлененных сложноподчиненных предложений (изъяснительных и местоименно-соотносительных) // Лингвистический семинар: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 2. СПб.; Бирск, 2001.

Николаева Т. М. Актуальное членение — категория грамматики текста // Вопросы языкознания. 1972. № 2.

Русская грамматика. Т. II. М., 1980.

Daneš F. Functional Sentence Perspective and the Organization of the Text // Papers on Functional Sentence Perspective. Prague, 1974.

О ДИАХРОНИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ*

С. А. Шубик (Санкт-Петербург)

1. Одной из актуальных задач функциональной грамматики является изучение становления и развития функционально-семантических полей (ФСП). Исследования в этой области раскрывают пути и факторы формирования сверхсложных подсистем языка, состоящих из элементов разных уровней — морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических, фразеологических. Такие исследования способствуют более глубокому пониманию семантических и формальных особенностей ФСП на современной стадии развития. Сравнение диахронических процессов в различных ФСП дает возможность установить важнейшие закономерности, определяющие эволюцию функциональной грамматики как целостной системы.

2.1. В докладе предлагается одна из возможных методик диахронического изучения ФСП. Предлагаемая методика рассматривается на материале поля темпоральности в немецком языке. Эта методика состоит из трех этапов.

2.2. На первом этапе проводится сопоставление двух синхронных срезов исследуемого ФСП, один из которых относится к древнему периоду, а другой — к настоящему времени. Сопоставление охватывает следующие аспекты: 1) соотношение центра и периферии с точки зрения качества и количества равноуровневых единиц; 2) структура центра и его функциональный потенциал; 3) семантические, стилистические и прагматические особенности периферийных компонентов; 4) взаимосвязи и взаимодействия данного поля с другими. Поскольку система языка непрерывно претерпевает изменения, в синхронных срезах следует различать, с одной стороны, явления новые и продуктивные, а с другой — явления устаревающие и исчезающие. Сопоставительный анализ указанных синхронных срезов позволяет сделать выводы как относительно устойчивости содержательной и формальной структуры ФСП, так и относительно основных направлений его развития. Он позволяет также сформулировать некоторые гипотезы о движущих силах этого развития. Итоги проведенного сопостав-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 00-15-98831 «Петербургская школа функциональной грамматики».

ления делают ход дальнейшего исследования более целенаправленным и эффективным.

2.3. На втором этапе исследования осуществляется хронологически последовательное изучение отдельных участков ФСП — микрополей и их звеньев. Основное внимание концентрируется на степени участия единиц разных языковых уровней в процессах формирования полевой структуры каждого микрополя, на конкуренции этих единиц в случаях их синонимии. Существенное место, далее, занимает рассмотрение таких явлений, как возникновение одних компонентов и исчезновение других, морфологизация или фразеологизация лексико-синтаксических образований, грамматикализация лексических единиц и их группировок, расширение или, напротив, сужение функционального потенциала морфологических форм, синтаксических конструкций, словообразовательных моделей. Специального анализа требуют взаимосвязи и взаимодействия каждого микрополя с другими микрополями данного ФСП, а также с микрополями других ФСП. Изучение процессов развития микрополей сопровождается выяснением их внешних и внутренних причин.

2.4. Цель третьего, завершающего этапа исследования — расширение, углубление и уточнение ранее полученных результатов. На этом этапе выделяются и описываются промежуточные синхронные срезы исследуемого ФСП, то есть срезы, репрезентирующие стадии его развития между древним и современным периодами. Количество таких срезов зависит в первую очередь от характера материала.

3. На основании анализа и суммирования итогов, полученных на всех этапах исследования, дается общая характеристика эволюции данного ФСП и раскрываются исторические корни многих противоречий в его структуре, которые не могут быть объяснены с точки зрения функционирования его единиц на современной стадии развития.

УРОВНИ КАТЕГОРИЗАЦИИ И СТРОЕНИЕ СИСТЕМЫ СЕМАНТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ (из наблюдений над концептуальной базой функциональной грамматики)

Е. В. Клобуков (Москва)

1. Категория — основополагающее понятие современной функциональной грамматики (ФГ). Поэтому актуальной для ФГ остается проблема уточнения состава семантических категорий, связанная с установлением категорий, которые не стали пока предметом изучения с функциональной точки зрения. Не менее важным представляется также моделирование самой **системы** семантических категорий.

Когнитивные подходы к языку (в частности, наблюдения над процессом концептуализации мира) дают возможность привести дополнительные аргументы, позволяющие ставить вопрос о необходимости установления недостающих звеньев (категорий и групп категорий) в существующих моделях системы семантических категорий русского языка. В своих рассуждениях я опираюсь на положения о неразрывной связи языковой категоризации и концептуализации действительности, о глобальности языковой категоризации мира, об иерархической многоуровневой сущности системы семантических категорий.

2. **Языковая категоризация мира неотделима от процесса концептуализации действительности** [Кубрякова и др. 1996: 42–47, 90–95]. Как кажется, современная теория ФГ еще не извлекла всех необходимых следствий из этого общепризнанного факта. Это требует внимания, поскольку установление семантических категорий базируется на выделении содержательных инвариантов, или «семантических констант» [ТФГ 1987: 12; ср.: Бондарко 2001: 7–8]. Эти семантические константы могут быть охарактеризованы как релевантные для ФГ концепты.

В специальной литературе активно обсуждается вопрос о природе концептов (Н. Д. Арутюнова, Е. С. Кубрякова) и об аспектах концептуализации мира в связи с проблемами описания языка (Т. В. Булыгина, О. Г. Ревзина, Л. О. Чернейко, А. Д. Шмелев и др.). Целесообразной представляется поставка вопроса о **типах концептов** применительно к задачам, решаемым ФГ.

В последнее десятилетие в связи с актуальностью проблематики русской языковой картины мира, особенностей русской языковой ментальности — русского «лингвалитета» (В. П. Григорьев) особенно активно обсуждаются концепты русской культуры. Однако не «культурные», а **универсально-логические** концепты («Время», «Количество» и т. п.) представляют первоочередной интерес для ФГ. Из многочисленных концептов русской культуры (см. исследования Ю. С. Степанова и труды семинара Н. Д. Арутюновой «Логический анализ языка») грамматическую значимость приобретают лишь немногие, например концепт «Лицо (персона)» в противопоставлении «Не-лицу» как возможная база для «альтернативной» (по отношению к представленной в литературе) характеристики ФСП персональности; см. [Клобуков 1998а].

Еще одно важное для ФГ разграничение концептов связано с их сферой бытования. Одни концепты характеризуют общий ментальный фонд говорящих на данном языке (таковы **общие** концепты «Предмет», «Пол (биологический)», «Количество» «Действие» и т. п.), другие же (**специальные**) концепты характеризуют понятийную сферу той или иной науки, трактующей соответствующий аспект мироздания или мировосприятия («Интроспекция», «Предикат», «Актант», «Пропозиция»). При моделировании системы семантических отношений ФГ традиционно опирается как на общие («Время»), так и специальные («Залог») концепты. Из сказанного сле-

дует, что отнесенность концепта к числу специальных (языковедческих) не препятствует выделению соответствующей семантической категории (эта констатация важна для последующих рассуждений относительно категорий падежности, предикатности, пропозитивности).

По объему номинации, как показывают результаты когнитивных исследований, можно различать два основных типа концептов: 1) '**Ситуация**' и 2) '**Элемент ситуации**' (предмет, признак, действие и т. п.). Концепты второго типа («концепты-элементы») обычно бывают выражены средствами уровня слова; прототипической формой выражения «концептов-ситуаций» являются высказывания (ср. далее о выражении пропозитивности), хотя достаточно частотно, как показывают данные лингвистических и энциклопедических словарей, и «свернутое» (словесное) выражение таких концептов.

Оба указанных типа концептов допускают пропозитивную (предикатно-аргументную) интерпретацию своего содержания. Это очевидно для концептов-ситуаций ('Восстание', 'Инаугурация'), но вполне возможно и для концептов-элементов (ср. толкование предметных и предметно-личных имен типа *дом*, *бродяга* с опорой на семантические составляющие типа 'актант', 'предикат' и т. п. в словаре [Апресян и др. 1997]). Принципиальное отличие толкований заключается в одноуровневом соотношении основных элементов толкования для концептов-ситуаций, например $P = R(a, b)$ и т. п., и уровневая неоднородность компонентов в толковании концептов-элементов (где уточняющие смысловые элементы всегда будут как минимум на порядок ниже, чем опорный элемент толкования: *У, который...*; *действие Z, когда...* и т. п.).

Отсутствие в исследованиях лингвистов характеристики того или иного концепта может ставить под сомнение и наличие оснований для выделения соответствующей категории. В частности, судьба семантической категории падежности, вопрос о которой ставится начиная с середины 70-х гг. XX века, но которая не вошла в число категорий, характеризующихся в исследованиях по ФГ, была в значительной степени предрешена тем, что в течение длительного времени не удавалось охарактеризовать семантический инвариант категории. Попутно можно заметить, что факт неохарактеризованности концепта в лингвистических исследованиях (факт необнаружения концепта) еще не означает автоматически объективного **отсутствия** такого концепта; в докладе предпринимается попытка обоснования существования падежности как одной из центральных категорий ФГ и характеристики соответствующего концепта (см. раздел 7 настоящих тезисов).

3. Изучение системы семантических категорий ФГ началось (и это вполне объяснимо — таким же была последовательность изучения и категорий системно-описательной грамматики) с тех категорий, которые выражаются на уровне **слова** (и грамматической формы слова).

Нельзя, однако, не отметить, что далеко не все семантические категории, получающие выражение на уровне слова (словоформы), стали объектом ФГ. Не секрет, что гораздо более основательно рассмотрены «глагольные» семантические категории (прототипически выражаемые в глагольных лексемах и глагольных словоформах: ‘аспектуальность’, ‘темпоральность’ и др.). Вероятно, лишь категориальное противопоставление предикативных и непредикативных (атрибутивных) форм глагола, имеющее большое значение для выражения интерпретационных отношений, связанных с обозначением актуального коммуникативного ранга процессуального признака, не учтено современной ФГ русского языка.

В то же время остается не до конца выясненным состав семантических категорий, связанных с существованием **имени** как особого объекта при языковой категоризации мира. Имя как грамматический класс слов с богатейшим функциональным потенциалом в большинстве работ по ФГ затрагивается спорадически, далеко не в полном объеме (исключение составляет анализ категории квантитативности (количественности) в исследовании [ТФГ 1996] и детальное описание субстантивных падежных синтаксем в исследованиях Г. А. Золотовой). «Именные» семантические категории (т. е. категории, получающие свое прототипическое выражение в формах имени, главным образом — в формах имени существительного) как система в настоящее время представляют собой один из наименее изученных фрагментов ФГ русского языка.

Так, огромную роль в языковой категоризации действительности играет противопоставление в рамках предметных имен по признаку **одушевленности / неодушевленности** (*слон – стол*). Не менее важны в функциональном плане оппозиции субстантивных классов в рамках предметных одушевленных имен по признаку биологического пола (*исследователь – исследовательница*). «Сдержанное» отношение современной ФГ к важнейшему концепту биологического пола не вполне объяснимо, так как соответствующая семантика нашла в русском языке воплощение в особой грамматической категории рода, являющейся, по В. В. Виноградову, центральной категорией существительного. В пределах класса предметных одушевленных имен, маркированных по признаку пола, весьма существенным (причем, как уже говорилось выше, не только для грамматики имени, но и для анализа ФСП персональности) оказывается разграничение л и ц и не-лиц.

Некоторые из именных семантических категорий, в том числе определяющих функционирование всех других категорий имени, традиционно вообще не включаются в число релевантных для ФГ явлений, хотя они объективно относятся к числу важнейших семантических категорий. К числу таковых должна быть в первую очередь отнесена до сих пор не осмысленная в плане ФГ и поэтому даже не имеющая своего имени фундаментальная субстантивная категория, связанная с противопоставлением имен предметных (*дом, кот*), событийных (*закат, революция*), веществен-

ных (*сахар, аспирин*), собирательных (*детвора, аппаратура*), отвлеченных (*перелёт, белизна*). Между тем категориальная природа данного противопоставления была очевидна уже для Л. В. Щербы.

Не прояснен в системе понятий ФГ также категориальный статус частеречного противопоставления слов (части речи рассматривались на уровне центральной, стержневой категории слов в трудах А. М. Пешковского и Л. В. Щербы, В. В. Виноградова и, в самое последнее время, Г. А. Золотовой).

Делом самого ближайшего будущего является рассмотрение каждой из этих категорий в общей системе категорий и ФСП грамматики, ставящей перед собой задачу представить содержательную базу порождения и распознавания речи (о перспективах специального изучения ФСП одушевленности, пола, «именного» лица и т. п. см. [Клобуков 1999; 2000]).

4. Семантические категории реализуются, как известно, не только на уровне слова. Человек в ходе своей познавательной деятельности осуществляет и фиксирует в языковых средствах г л о б а л ь н у ю к а т е г о р и з а ц и ю мира, выстраивая содержательные противопоставления различного типа — от самых общих до вполне конкретных. Концептуализация затрагивает разные уровни членения как внеязыковой (объективной) действительности, так и действительности речевого общения. Действительность коммуникации представляет собой очень важный для *homo sapiens* (являющегося одновременно и *homo loquens*) вид действительности — действительности субъективной и в то же время объективной (именно поэтому она описывается, по точному определению А. М. Пешковского, системой субъективно-объективных категорий).

Естественно, что при таком понимании языковых категорий собственно семантика языковых знаков объединяется в одну содержательную сферу с их прагматикой. Такое объединение теоретически вполне правомерно (об этом писали многие ученые, в частности А. Е. Кибрик). Оно поддерживается и оправдывает себя практикой грамматического анализа: многие категории ФГ ориентированы не на отображение внеязыковой реальности, а на фиксацию компонентов коммуникативного акта (такова, например, категория модальности).

Вопросы категоризации на уровне типа дискурса, речевого жанра, коммуникативного регистра были рассмотрены в общем виде в [Клобуков 2000]. Каждому из указанных противопоставлений соответствует своя семантическая константа, свой семантико-прагматический инвариант, который может быть описан с позиций концептуального анализа. Это обстоятельство позволяет на несколько порядков углубить само понятие системы семантических категорий языка. Можно с уверенностью предположить наличие в этой системе таких уровней, которые недостаточно учитываются в рамках ФГ, но традиционно принимаются во внимание и изучаются риторикой и функциональной стилистикой. Вопрос об отношении ФГ к указанным разделам языкознания, решающим общие проблемы успешной

коммуникации и разграничивающим функциональные типы речи, к сожалению, не может быть рассмотрен в рамках данного доклада. В любом случае очевидно, что категории риторики и функциональной стилистики отражают «верхние» ярусы той самой системы семантических категорий языка, «нижние» уровни которой, реализуемые на уровне слова и отчасти высказывания, освоены современной ФГ.

5. Из предположения о существовании верхних (связанных с общей организацией дискурса) и нижних, обращенных к слову и словоформе, уровней семантической системы следует, что изучение строения сложных систем (к числу которых относится семантическая система языка) предполагает установление иерархических связей между компонентами данной системы. Для структурного языкознания, определявшего в течение ряда десятилетий всю методологию лингвистических исследований, был, как известно, характерен восходящий к Ф. де Соссюру тезис о соотношении лишь двух планов системного взаимодействия языковых единиц — парадигматического и синтагматического. Подключение к рассмотрению третьего системного аспекта взаимодействия языковых единиц и подсистем, связанного с иерархическими отношениями, стало возможным лишь с широким распространением в лингвистике начиная с 70-х гг. XX века идей общей теории систем (см. исследования Г. П. Мельникова, Е. С. Кубряковой, В. М. Солнцева и др.).

Иерархические связи объективно пронизывают всю систему языка (ср. характер соотношения между синтаксисом и морфологией или между частями речи и частными морфологическими категориями и т. п.). Идея иерархического соотношения семантических категорий вполне эксплицитно проводится в шеститомной коллективной монографии «Теория функциональной грамматики» (1987–1996 гг.) — но прежде всего по отношению к категориям «с предикативным ядром»; см., в частности, описание строения таких сложных полей, как модальность или аспектуальность, каждое из которых представляет собой конгломерат более частных полей. Однако аналогичные отношения могут быть установлены и в сфере семантических категорий, находящихся выражение в формах имен.

6. В общей системе семантических категорий, установленных к настоящему времени, имеется, как кажется, одна очевидная и весьма существенная лакуна. Семантические категории с «предикативным ядром» (темпоральность, аспектуальность и др.) никак содержательно не соотнесены с семантическими категориями, группирующимися вокруг средств выражения субъектно-объектных отношений (субъектность, объектность и нек. др.), а также с категориями с качественно-количественным и обстоятельственным ядром. Классификация категорий обычно заканчивается без ориентации на связующий центр в виде более общей категории, которая бы объединила предикативность и субъектность, качественность и локативность, т. е. все четыре группы категорий ФГ, отношения между кото-

рыми пока не категоризованы, т. е., строго говоря, системно не до конца упорядочены.

Именно поэтому и было предложено (см.: [Клобуков 1998б; 1999; 2000; ПФГ 2000: 128–134]) ввести в понятийный аппарат ФГ еще одну семантическую категорию, которую в соответствии с концептом ‘Пропозиция’, лежащим в ее основе, можно было бы назвать категорией *пропозитивности*.

Категория базируется на семантической константе ‘Пропозиция’, представляющей собой специальный (логико-лингвистический) концепт, абстрагированный от общего концепта ‘Ситуация’. Пропозиция — это логический костяк (каркас) ситуации [ТФГ 1992: 5–29; ПФГ 2000: 129]. Характер пропозиции обусловлен а) типами актантов (участников ситуации, включая собственно актанты и сирконстанты; ср. точку зрения Ю. Д. Апресяна) и б) характером отношений между актантами, т. е. типом семантического предиката. Различие типов пропозиций (действия, отношения и т. п.) и составляет сущность категории пропозитивности.

В докладе обосновывается понимание категории пропозитивности как одной из *центральных семантических категорий ФГ*.

Необходимость установления категории пропозитивности связана со следующим немаловажным обстоятельством. С введением в практику функционально-грамматического анализа базисного понятия пропозитивности открывается, как кажется, возможность более логичного моделирования системы категорий и полей по сравнению с существующими описаниями.

1) В понятийную систему ФГ вводится категория диктума (Ш. Балли), сопоставимая по своей значимости с такой категорией субъективной сферы языка (модуса), как категория модальности. В настоящее время целостная категория модальности обычно мыслится вне соотношения с соответствующей ей по статусу категорией диктального типа. Такая модель соотношения диктума и модуса не соответствует общепринятым представлениям о вторичности модуса. Модальность как субъективная категория, находящая прототипическое выражение на уровне высказывания, не может не опираться на соответствующую ей по уровню выражения категорию диктума. Такой категорией и является диктальная категория пропозитивности. Именно пропозитивность и ее «антипод» и «сателлит» — модальность (в широком, виноградковском смысле) являются двумя наиболее общими смысловыми сферами, регулирующими формирование высказывания и текста. И если модальность в настоящее время большинством ученых признается как вполне реальный языковой феномен, то не менее реальна и диктальная база категории модальности, т. е. зеркально симметричная модальности сфера пропозитивности, представляющая основные амодальные (внутри- и межпропозитивные) отношения.

2) Благодаря категории пропозитивности и разветвленная система диктальных семантических категорий предстает в более строгом виде. Во-

первых, становится возможным отграничить семантические категории пропозитивного уровня (к числу таких должна быть отнесена, например, категория бытийности) от категорий иного, допропозитивного уровня (субъектность, локативность и пр.). Во-вторых, появляется возможность объединить все семантические категории допропозитивного уровня вокруг элементов пропозиции — актантов (ср. приактантные категории количественности, одушевленности, пола и т. п.) и предикатов (ср. такие припредикатные категории, как аспектуальность) [Жлобуков 1996]. Следовательно, именно пропозитивность может рассматриваться как тот стержень, вокруг которого группируются более частные семантические категории, составляющие в настоящее время основной объект анализа ФГ.

Предлагаемый в докладе путь моделирования рассматриваемого фрагмента системы семантических категорий предполагает установление, наряду с категорией пропозитивности, и более частных категорий: актантиности (в иной терминологии: «падежности») и предикатности. Выявление этих категорий имеет под собой в качестве основания противопоставление компонентов пропозиции, выражаемое в концептах 'Актант' и 'Предикат'. Эти категории рассмотрены в заключительных разделах данного доклада.

7. Между категорией пропозитивности, с одной стороны, и категориями актантиности и предикатности — с другой, существуют иерархические отношения: предикативность подчиняет себе и актантиность, и предикатность. Различия связаны с уровнями номинации: пропозитивность отображает логическую структуру ситуации, а актантиность и предикатность служат средством концептуализации конститутивных компонентов пропозиции.

Наличие специального концепта 'Актант' (= участник ситуации, партиципant), базисного для категории актантиности, очевидно для всех, кто занимается семантическим синтаксисом или общей семантикой. На проходившей в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН международной конференции «Языкознание sub specie rusestici: итоги и перспективы» (июнь 2001 г.) существование такого концепта обосновывалось И. А. Мельчуком; см. также характеристику понятия «актант» в словаре [Апресян и др. 1997: XVII].

Категория актантиности вводилась в понятийный аппарат отечественной ФГ под иным именем — «падежность» (в таком случае естественным соответствием данной категории в сфере специальных концептов было бы понятие семантического падежа по Ч. Филлмору); история изучения падежности представлена в кн.: [ПФГ 2000: 120–124]. Однако к настоящему времени изучение падежности как категории ФГ не принесло ощутимых результатов и повлекло за собой отказ от выделения данной категории. В итоге значения, выражаемые субстантивными формами падежа, оказыва-

ются, как правило, распределенными по разным ФСП (таким, как субъектность / объектность, обусловленность, локативность, посессивность и др.).

В докладе обосновывается мысль о том, что, вопреки сложившейся в функционально-грамматических исследованиях традиции описания семантики (и в соответствии с тезисом когнитивной науки о существовании базисного уровня категоризации), актантность (= падежность) может и должна быть выделена как самостоятельная семантическая категория. Ее потенциал связан с отображением различных типов отношений того или иного предмета (субстанции) к другим предметам (субстанциям).

Подобно другим семантическим категориям, принимаемым во внимание специалистами в области ФГ, категория падежности может быть рассмотрена и как основание для выделения особого ФСП. Поле падежности опирается на грамматическую категорию падежа, но не сводится исключительно к ней. Так, относительные (*московские окна*) и притяжательные (*Иваново детство*) прилагательные, выражая отношение предмета к другому предмету / лицу, естественно, принадлежат полю падежности, образуя, наряду с некоторыми другими языковыми средствами, его периферию.

8. Несмотря на наличие большого количества полей, группируемых вокруг «предикативного ядра», само это ядро как категория оказывается теоретически не осмысленным, хотя в основанных на функциональных подходах исследованиях по сопоставительной грамматике и практической грамматике русского языка как иностранного выделяются предикатные отношения как особое ФСП [Gladrow 1998: 138–155; Парменова 2000: 28–42]. О теоретических основаниях выделения семантической категории *п р е д и к а т н о с т и* (не смешивать с категорией предикативности в виноградском смысле, принадлежащей не диктуму, а модусу!) см.: [Клобуков 1998б]. Категориальные противопоставления в сфере предикатности могут быть описаны с опорой на исследования З. Вендлера, Г. А. Золотовой, Е. В. Падучевой, Т. В. Шмелевой.

9. Итак, иерархия всех именных и глагольных семантических категорий в высказывании и тексте организуется общей дихотомией пропозитивности и модальности. Целям конкретизации ситуации, отображаемой при помощи той или иной пропозиции, служат большая часть категорий с предикатным ядром (прототипически — глагольных) и все категории имени, при этом особую роль играет семантическая категория актантности (падежности), непосредственно участвующая в формировании самой *с т р у к т у р ы* пропозиции.

Из всего сказанного следует, что изучение иерархических связей между семантическими категориями языка с опорой на концепты, лежащие в основе категорий, позволяет существенно уточнить состав анализируемых в рамках ФГ семантических категорий языка.

Литература

- Апресян Ю. Д., Богуславская О. Ю., Левонтина И. Б.* и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск. М., 1997.
- Бондарко А. В.* Проблемы теории значения в сфере грамматики // Русский язык: исторические судьбы и современность. Международный конгресс русистов-исследователей. Труды и материалы. М., 2001.
- Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
- Клобуков Е. В.* Система содержательных координат русской функциональной морфологии // Научные доклады филологического факультета МГУ. Выпуск 1. М., 1996.
- Клобуков Е. В.* Семантическая категория лица и строение поля личности (персональности) // Общие проблемы строения и организации языковых категорий. Материалы научной конференции. М., 1998а.
- Клобуков Е. В.* Морфологическая категория падежа в контексте коммуникативной грамматики // Семантика языковых единиц. Доклады VI Международной конференции. Т. 1. М., 1998б.
- Клобуков Е. В.* Иерархическое взаимодействие семантических категорий как проблема функциональной грамматики // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ (Братислава, 1999). Доклады и сообщения российских ученых. М., 1999.
- Клобуков Е. В.* К установлению уровней языковой категоризации // Вопросы русского языкознания. Выпуск VIII: Функциональные и семантические характеристики текста, высказывания, слова. М., 2000.
- Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г.* Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
- Парменова Т. В.* Практическая функциональная грамматика русского языка. München, 2000.
- ПФГ 2000* — Проблемы функциональной грамматики: Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. СПб., 2000.
- ТФГ 1987* — Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. СПб., 1987.
- ТФГ 1992* — Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность. СПб., 1992.
- ТФГ 1996* — Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность. СПб., 1996.
- Gladrow W.* (Hrsg.) Russisch im Spiegel des Deutschen / Berliner Slawistische Arbeiten: Bd. 6. Frankfurt am Mein u.a., 1998.

ПРОТОТИПИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА ГЛАГОЛА КАК ОСНОВА ЕГО ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ

Н. Н. Болдырев (Тамбов)

Под функциональной категоризацией глагола понимается его соотношение в процессе построения высказывания с определенной лексико-грамматической категорией: акциональные (действия) или неакциональные (процессы, свойства, состояния, отношения) глаголы. Это обеспечивает передачу соответствующих — акциональных или неакциональных — смыслов. В основе того или иного функционального осмысления глагола лежит реализация конкретных прототипических признаков, свойственных определенной категории.

Традиционно семантика языковой единицы представляется как набор определенных категориальных и дифференциальных сем, отражающих внешние и внутренние признаки денотата. Такой подход позволяет проанализировать соотношение языковых единиц и обозначаемых ими объектов и дает возможность выявить принципы лексической категоризации слов на уровне языковой системы. Данная категоризация отражает, по существу, принципы объединения в группы и категории объектов реального мира. В то же время для построения высказывания требуется качественно иное осмысление данных слов в рамках грамматических (лексико-грамматических) категориальных структур, поскольку формирование смысла высказывания определяется взаимодействием лексических и грамматических факторов. Это взаимодействие лексической и грамматической категоризации слов осуществляется в процессе их функционального осмысления в высказывании, т. е. в результате их функциональной категоризации.

Изучение принципов и механизмов функциональной категоризации слов может быть основано на анализе их прототипической семантики, учитывающей и лексические, и грамматические факторы. Прототипическая семантика — это новое направление и особый метод когнитивного исследования языковых значений, базирующийся на целом ряде установок, которые определяются прототипическим подходом к формированию категорий. К числу основных установок и положений этого подхода относятся: выделение центрального — прототипа — и периферийных элементов в составе любой категории, обусловленность категориальной принадлежности того или иного элемента сходством с прототипом и связанные с этим возможности расширения категориальных границ за счет включения нетипичных для этой категории элементов, способных обнаруживать черты сходства с ее прототипом (прототипические характеристики категории) на функциональном уровне. Выявление этих характеристик и механизмов их реализации в высказывании дает возможность проанализировать и объяснить не только бесспорные случаи употребления языковых единиц, но и многие пограничные языковые явления, которые оставались за рамками

традиционных исследований, но в которых, однако, и проявляется реальная системность языка.

С этих позиций семантика любого глагола может быть представлена как набор некоторых прототипических характеристик, общих для глаголов определенной категории. Для акциональных глаголов это связь с прототипическими субъектом и объектом, выражающая активное намеренное контролируемое воздействие субъекта на объект. Соответственно в терминах прототипического подхода семантика данных глаголов представляет собой набор признаков активности, волитивности, контролируемости и результативного воздействия на объект (*Анна почистила картофель; Ann peeled the potatoes*). Для неакциональных глаголов характерна связь с непрототипическими субъектом и объектом, которая выражает процесс изменения состояния субъекта, его свойства, состояние, определенное отношение (тождество, различие, соответствие, паритивность, каузальность и т. д.) между субъектом и объектом. Так, с прототипической точки зрения семантика процессуальных глаголов характеризуется признаками псевдоактивности и претерпевания видоизменения, когда некоторая активность субъекту лишь приписывается самой структурой высказывания (*Масло вскоре растаяло; The butter melted soon*). Для квалификативных глаголов, или глаголов свойства, выражающих однотипные регулярные действия как определенное свойство субъекта, характерны признаки генерализованной активности и обобщенно-референтного воздействия на объект (*Он пьет много пива; He drinks beer a lot*), для глаголов состояния, или стальных глаголов — признаки нереперентной активности и нереперентного воздействия на объект (*Она знает дорогу домой; She knows the way home*), для глаголов отношения, или релятивных глаголов — признаки инактивности субъекта и статичности объекта, т. е. полное отсутствие какого-либо взаимодействия между субъектом и объектом, иерархический статус которых носит условно-грамматический характер и определяется коммуникативно-прагматическими факторами (*Хорошая работа заслуживает хорошей оплаты; Good work deserves good pay*).

Реализация соответствующих прототипических признаков в высказывании обеспечивается за счет использования определенных грамматических форм (актуального времени, императива, пассива и рефлексива — для акциональных глаголов, и форм неопределенного времени — для всех других глаголов), переходных (для акциональных глаголов) и непереходных (для процессуальных глаголов и глаголов свойства) синтаксических конструкций, безличных конструкций и конструкций с «блокирующим» объектную валентность «it» / «это» (для стальных глаголов). Все эти средства выступают в качестве языковых механизмов реализации определенных прототипических признаков и, следовательно, механизмов формирования необходимого смысла. Например, формы актуального времени актуализируют признаки активности и волитивности, в то время как формы неопределенного настоящего эти признаки могут «погашать» и т. п.

В процессе построения высказывания с целью передачи определенного смысла конкретный глагол может быть использован не обязательно в своем исходном значении, что обеспечивает широкие возможности для выражения дополнительных смыслов и смысловых оттенков. Акциональные глаголы в результате реализации прототипических характеристик неакциональных категорий могут передавать неакциональные смыслы и, наоборот, неакциональные глаголы за счет реализации прототипических признаков акциональности способны выражать акциональные смыслы. В целом, функциональная категоризация глаголов базируется на трех основных принципах: актуализация (реализация исходного системного значения глагола), перекатегоризация (изменение его исходного значения) и поликатегоризация (одновременная реализация значений нескольких категорий). Актуализация предполагает реализацию прототипических характеристик той категории, к которой глагол относится на системном уровне (*She is reading a book; Она читает книгу*), перекатегоризация — реализацию прототипических характеристик другой, исходно не связанной с данным глаголом, категории (*The book reads well; Эта книга хорошо читается*), поликатегоризация — одновременную реализацию прототипических характеристик нескольких категорий (*The sign read the name of the village; На указателе читалось название деревни*).

Анализ языкового материала показывает, что градация категориальных значений глагола связана, в основном, с градацией прототипических признаков активности субъекта и результативного воздействия на объект, отражающих степень реального взаимодействия субъекта и объекта. Это взаимодействие может быть представлено в предложении-высказывании как имеющее конкретно-референтный (результативное воздействие на объект, акциональная категоризация глагола: *Он сейчас везет свою мать в аэропорт; He is driving his mother to the airport*) или условно-грамматический (отсутствие реального взаимодействия между субъектом и объектом, неакциональная категоризация глагола: *Он возит людей в аэропорт; He drives people to the airport*) характер. При этом акциональные глаголы могут быть использованы для выражения значения процессуальности (*Играла музыка; Music was playing*), свойства (*Он разрушает все, чего касается; He destroys everything he touches*), статальности (*Предложение звучит привлекательно; The offer sounds good*) или отношения (*Подснежники объявили приход весны; Snowdrops announced the arrival of spring*). Напротив, неакциональные глаголы довольно часто употребляются для передачи акциональных смыслов, например: *Все, что я могу сделать, это быть там в 5 часов; All I can do is be there at 5 o'clock*.

АСПЕКТЫ И ПРИНЦИПЫ КРЕАТИВНОЙ ГРАММАТИКИ

Е. Н. Ремчукова (Москва)

Изучение творческих возможностей говорящего, степени его лингвистической компетенции, различных форм и способов речетворчества привлекает внимание лингвистов разной специализации и является одним из самых актуальных направлений современной русистики. В грамматических исследованиях последних лет также все более ошутим интерес к тому, что А. В. Бондарко назвал «*интенциональностью*» в грамматике [Бондарко 1994], Я. И. Гин — «*означиванием*» [Гин 1996], а Б. Ю. Норман — ее «*динамическим*» аспектом [Норман 1994]. В работах этих ученых с разных сторон (в статье А. В. Бондарко — в фокусе собственно грамматики, в статьях Я. И. Гина — в фокусе поэтического языка, в книге Б. Ю. Нормана — в фокусе психолингвистики) показано, что случаи «осознания» грамматических смыслов вследствие их актуализации не только *возможны*, но и разнообразны и продуктивны.

Соотношение стереотипного и творческого начала в русской морфологии изучено гораздо в меньшей степени, чем в лексике и словообразовании. На первый взгляд это представляется вполне закономерным, так как структурированность и «заданность» грамматической системы сдерживают речетворчество; например, вследствие этого грамматические окказионализмы (далее ГО) встречаются во всех типах текста (художественных, поэтических, разговорных) реже, чем лексические и словообразовательные. Грамматическая парадигма *современного* литературного языка немислима без понятия *нормы*, однако грамматическая «сетка» (выражение Б. М. Гаспарова) «накинута» на язык, преломляющийся в разных жанрах и типах речи; в некоторых из них зоны вариативности активизируются, представляя говорящему возможность выбора, а значит, и творчества.

Тенденция к творчеству, характерная для русской языковой культуры, достаточно ярко проявляется и в грамматике, потенциал которой обычно исследуется или по отношению к художественному (прежде всего поэтическому) тексту (см. работы И. А. Ионовой), или по отношению к определенному идиостилю (см. например, работы Л. В. Зубовой, О. Г. Ревзиной и мн. др.). В то же время речетворчество на грамматическом уровне может быть соотнесено с любым текстом или высказыванием. Существенное различие состоит лишь в том, что в поэтическом тексте нетривиальная грамматика может иметь системный и концентрированный характер, как в идиостиле в целом, так и (в некоторых случаях) — в конкретном отдельном произведении (см. морфологические и морфолого-словообразовательные «цепочки» в поэзии М. Цветаевой, в которой «нанизывание» — характерная черта идиостиля: *И за то, что в учетах, скуках, позолотах, зевотах, ватах... Так вслушиваются... так нюхиваются... так вчувствуется... так влюбляются...*), а в других стилях и жанрах такие примеры не кон-

центрируются, не «нанизываются», являясь, как правило, единичными. Например, типы и техника ГО, наиболее разнообразно представленные в поэтическом дискурсе, тем не менее проявляют себя и в других жанрах речи, таких, как эпистолярный, интервью, мемуары, дневники, реклама. Экспансия инноваций, характерная для языка современной газеты, включает и грамматические «неправильности», проникающие как в сами тексты, так и в заголовки («*В каждой мужчине скрывается женщина*» — заголовок статьи, в которой речь идет о театральном гриме; «*Конвейер человекоев*» — статья о клонировании).

Механизмы «высвобождения» грамматической формы зависят от 1) **жанровой разновидности** текста и от 2) **языковой компетенции** говорящего. Современная публичная речь стремится избегать банальностей. Большая свобода личности в обществе, снятие всяких запретов, в том числе не только на информацию, но и на степень ее экспрессивной окрашенности, установка определенных жанровых разновидностей речи на «суперэкспрессию» влекут за собой и большую свободу в стремлении говорящего к «изошренности» в создании семантических и стилистических эффектов (в данном случае мы оставляем за пределами статьи дискуссионный вопрос о негативных последствиях этой «изошренности»). Опираясь на понятие «творческий говорящий» (ср. понятие «*наивного говорящего*» в работах Б. Ю. Нормана, «*верхов языковой культуры*» — в работах В. П. Нерознака), мы соотносим его с понятием «человек пишущий», к которому относим не только писателей и журналистов, но и актеров, режиссеров, деятелей культуры, наконец, самих лингвистов — всех тех, кому присущи лингвистический вкус и творческое отношение к языку.

Как уже отмечалось, тенденция к языковому творчеству ярко проявляется в таких жанрах, как воспоминания, дневники, интервью. Вот некоторые примеры нетривиальных грамматических форм в **жанре интервью**: *Любить человека надо таким, какой он есть, потому что других человекоев у нас не будет* (режиссер А. Кончаловский); — *Вас носили на руках? — Я не очень любила «носиться»* (балерина Е. Максимова); *Кажется, что сам становишься участником описуемых событий* (режиссер А. Сокуров); *Сейчас нет дружб* (режиссер и актер И. Дыховичный); *Любить легко — разлюбливается трудно* (писательница М. Арбатова); — *Верите вы в чудеса? — Чуды — это охломоны, которые растут у меня* (актер М. Трухин); *Если человек беден — он легко пропагандируем* (писательница Т. Толстая); *Я не выбирал ему профессию — она выбрала сама* (Г. Боровик о сыне Артеме).

Проявляется нетривиальная грамматика и в эпистолярном жанре: *Влияние матери на меня, маленькую, было огромно и ничем не перебиваемо* (из письма Ариадны Эфрон). Показательны в этом смысле замечательные письма Ф. Раневской, как известно, человека яркого, самобытного: *Не угнетайтесь! В этом виноваты не вы, а ваш талант; Я*

все сердцем беру. Читала и волновалась Вами (из письма актрисе М. Нееловой).

Письма поэтов не только важный раздел их литературного наследия, но и одна из форм реализации их лингвистической индивидуальности. Эпистолярный текст, безусловно, отражает некоторые особенности и свойства, характеризующие идиостиль. Присущая В. Маяковскому как футуристу жажда словесного обновления, стремление избежать «прилизанности» проявляется и в языке его писем: *Ты спрашиваешь о подробностях моей жизни. Подробностей нет* (из письма Л. Брик). Оказиональная форма родительного падежа мн. числа создает в данном случае эффект грустной иронии, а «соположение» стандартной и нестандартной формы актуализирует оппозицию падежных значений. Нестандартное использование вариативных окончаний родительного падежа мн. числа (наиболее сложного в парадигматическом отношении падежа с набором вариативных флексий) — излюбленный прием В. Маяковского (см., например, в поэтических текстах: *нутр* (из *облицованных нутр*), *золот* (есть *ли наших золот небесней*) и др.): *Котенок, не бери никаких работ до моего приезда; Нет от тебя никаких писем; Я глажу всех встречных собак и кошек* и т. п. Однако очевидно, что такое нарушение грамматического стандарта далеко не всегда мотивировано семантикой конкретного текста, проистекая из природы мировосприятия поэта с его настойчивым стремлением к бесконечному эксперименту. В телеграмме Лиле Брик (*Скучаем, любим, целуем*) В. Маяковский, обыгрывая омонимию личных форм и кратких страдательных причастий настоящего времени, к «скучному» *любим* добавляет окказиональные (если рассматривать их как причастные) грамматические формы — *скучаем, целуем*. Даже в скупом жанре телеграммы Маяковский умел оставаться новатором. Аналогичным образом проявляется яркая, «гиперэкспрессивная» индивидуальность М. Цветаевой не только в ее поэзии и прозе, но и в письмах и дневниках.

Выразительные возможности грамматики широко используются и в **языке рекламы**. Однако в современных прагмалингвистических исследованиях этого типа дискурса морфологический ярус языка представлен в наименьшей степени. Творческий потенциал грамматических категорий разнообразно реализуется в рекламных текстах, а анализируются, как правило, те факты, которые трудно было бы «не заметить» — различные случаи актуализации морфем, субстантивность, формы наклонений (см., например, [Лившиц 1999: 157–162]). В то же время в этом типе текстов прослеживаются определенные приемы, связанные с оригинальными интерпретациями грамматических коррелятов — членов грамматических оппозиций — в высказываниях, включающих соотношение грамматических форм времени, залога, падежа, числа. «Броскость» же рекламного текста обеспечивает их «включение в фокус внимания участников коммуникации» [Бондарко 1994: 30]. Например, интересны случаи комбинаторики

лексических и грамматических компонентов в рамках категории залога (*Соседи уже обставились. Обставь соседей* — реклама мебели; *Изменится сам, не изменяя хозяину* — реклама мобильного телефона), вида (*Диван, на который можно не только ложиться, но и положиться*). В рекламных текстах широко используется прием создания смысловой двуплановости грамматической формы, спровоцированной контекстом (прием, типичный для языка поэзии XX века): *У меня для вас новость, но вы ее выдержите. «Золотая бочка» — выдержанное пиво*. Создание «ложной» грамматической оппозиции позволяет представить ее в динамике, демонстрируя принцип коррелятивности как организующий принцип грамматики.

Анализируя случаи нарушения грамматического стандарта, мы сталкиваемся с той же проблемой разграничения потенциального и окказионального, актуальность которой обычно ощущается прежде всего по отношению к лексике и словообразованию. Обратимся к категории **залога**. Продуктивность кратких страдательных причастий прошедшего времени, обуславливающая возможность образования не только нормативных, но и ненормативных форм, позволяет продемонстрировать системно-языковой потенциал пассива в русском языке. Неканонические страдательные причастия повсеместно и легко образуются, если это необходимо говорящему: — *А ты в психушке не был?* — *Спрошено было на всякий случай* (А. Минчин); — *Тебе заплатили* (речь идет о сделанной работе)? — *Я был благодарен*; *Что бы он нам ни говорил, будет поступлено так, как будет поступлено* (из разговорной речи); *Но сказано, предупреждено* (журнал «Столица»). Краткие формы страдательных причастий наст. времени менее активны, чем формы прош. времени, следовательно, и нестандартные образования встречаются гораздо реже, однако именно вследствие этого они еще более выразительны: *Целую Ваши руки, которые должны быть только целуемы, а они двигают шкафы и поднимают тяжести* (М. Цветаева); *Поэт раним и даже убиваем; Был отвергаем — но зато какими!* (В. Вишневский). Вопрос о том, считать ли эти и подобные формы окказиональными или потенциальными, остается открытым в лингвистической литературе. Мы видим здесь реализацию парадигматического потенциала языка, хотя и используем термин «грамматический окказионализм».

Необходимо выделить те **факторы**, которые определяют творческий потенциал русской морфологии. Прежде всего это **разнообразие и синкретизм** грамматических форм в русском языке, что позволяет творчески использовать их не только в языковой игре, но и при любой актуализации грамматического смысла. Логика грамматической формы, наиболее последовательная в языке, определяет «поэтику грамматики как поэтику необходимости» (Я. И. Гин). **Развитая парадигматика**, с одной стороны, а priori предполагает лакуны — отсутствие в узусе каких-либо форм слова; с другой — при необходимости «позволяет» говорящему легко ли-

квидировать эти лакуны, «выравнивая» формообразование. Поэтому в рамках именной и глагольной парадигм представлены не только «неправильные» формы, появившиеся в результате грамматической аналогии (*деньгов, делов, хочем*), сфера реализации которых — языковая игра или стилизация неграмотной речи, но и потенциальные формы: **падежные** (*мечт, человеков*); **числа** (*брюки – брюка, джинсы – джинса*; см. также продуктивные и многочисленные формы мн. числа от существительных *singularia tantum*); **залоговые** (1. *поступлен, благодарен, пробужден, развеселена*; 2. *угнетаться, взволноваться, вставаться, миноваться*); **аспектуальные** (чаще — формы вторичной имперфективации — *разлюбливать, научиваться и научаться, растрогиваться, зацепливаться*; реже — перфективные: *протащился от ее ножек; зародовался страшно*); **формы компаратива** (*ангелее, трансвеститее, циркее: Наш цирк циркее всех цирков!*) и многие другие. Второй важнейший фактор — **морфолого-словообразовательный** характер основных русских грамматических категорий — рода, залога, числа, вида. Например, в рамках категории рода это порождает продуктивный в языковой игре прием «обратной деривации» — десуффиксации, в результате которой образуется «псевдокоррелят» мужского рода (ср. широко известные *тарел, собак, кукуш, русал* и индивидуальные *прим, кокет: Явлинский — политический кокет* (Ю. Бондарев)). Творческий потенциал категории рода, обусловленный ее сложным морфолого-словообразовательным и синтаксическим характером, широко представлен (на материале современной русской поэзии) в работе Л. В. Зубовой [Зубова 2000: 194–207]. Третий важнейший фактор — **лексико-грамматическая природа** русских грамматических категорий, определяющая ту нерасторжимую связь лексики и грамматики, которая подчеркивается, декларируется русской лингвистической традицией. Исследования в области грамматики и лексикологии приводят лингвистов к общему выводу: степень лексикализации русской грамматики, очевидно, еще выше, чем принято думать (см. по этому вопросу доклад Ю. Д. Апресяна [Апресян 2001]). Именно «сплетенность» лексического и грамматического значения в словоформе позволяет говорящему, актуализируя грамматические смыслы, «рассчитывать» на стилистические и семантические эффекты (см. примеры, приведенные выше).

Таким образом, к креативной (творческой) грамматике, с нашей точки зрения, следует отнести следующие явления: 1) **грамматическую окказиональность** (с разграничением *окказионального* и *потенциального* (проблема, оставшаяся за пределами данной статьи)); 2) **грамматическую интенциональность**, к которой мы относим различные случаи актуализации грамматической семантики, связанные не только с сопоставлением, но и с концентрацией однородных и разнородных грамматических значений; 3) формы и способы **языковой игры** в морфологии, а также некоторые дру-

гие аспекты «динамической» грамматики. Нетрудно заметить, что отмеченные явления обладают общей функцией — функцией эмоционально-образной актуализации.

Литература

Апресян Ю. Д. Взаимодействие лексики и грамматики: лексикографический аспект (Доклад на конференции «Языкознание sub specie русистики: итоги и перспективы». Москва, июнь 2001).

Бондарко А. В. К проблеме интенциональности в грамматике (на материале русского языка) // Вопросы языкознания. 1994. № 2.

Гин Я. И. Поэтика грамматических категорий. СПб., 1996.

Зубова Л. В. Категория рода и лингвистический эксперимент в современной русской поэзии // Проблемы функциональной грамматики: Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. СПб., 2000.

Лившиц Т. Н. Реклама в прагмалингвистическом аспекте. Таганрог, 1999.

Норман Б. Ю. Грамматика говорящего. СПб., 1994.